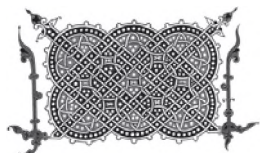

ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, ДИСКУССИИ

О. В. Кириченко

Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских¹

Общая постановка вопроса

Этничность — это сила, которая формирует этническое бытие, сам этнос как особого рода социум, этнический конгломерат людей². В этом смысле этнос есть сопряженный определенным силовым вектором социальный организм. Выход на этнический уровень бытия начинается тогда, когда у социальной общности появляется понимание своего *места* на земле и существует особое коллективное «*этническое отношение*» к иным самобытным сообществам. «Место» характеризуется двумя территориальными этническими характеристиками: макроуровень дает понятие «земля—отечество» (в русской традиции), а микроуровень — понятие «родина». «Отношение к иным» рождается и живет в ином измерении. Его питают 1) язык, 2) антропологический тип 3) комплекс духовности (религия, нравственность, право), 4) а также весь устоявшийся визуальный ряд внешних — культурных — признаков: одежда, жилище, пища, орудия труда и т.д. То, что мы охарактеризовали как «понимание своего места на земле», по сути указывает на то,

как та или иная этничность осваивает *пространство* (понимает и живет в нем), и потому эту ипостась следует относить к *статичным* характеристикам этничности; в то время как этническое отношение характеризует специфику овладения *временем*, в силу чего относится к *динамической* составляющей этничности. В данной статье речь идет о первых образованиях — статических характеристиках этничности, объясняющих особенности овладения ею земным пространством.

В средневековой Руси этническая территориальная протяженность своей земли обозначалась несколькими понятиями: «Русская земля», «Отечество», «Русь», «государство», «Россия», «Святая Русь», среди которых самым устойчивым и часто употребляемым было словосочетание «Русская Земля»³. Частота употребления зависела от контекста ситуации. Русская земля, как этническая территория русских, упоминалась тогда, когда речь шла о пространственно-этническом взгляде «изнутри», безотносительно к чему-либо другому. «Отечество» появлялось в тексте, чтобы показать разницу чужой

¹ Поддержка гранта ПРИ РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Тема «Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX—XX вв.».

² По теории этноса существует богатейшая историография. Не игнорируя ее, особенно всё то, что относится к описательной стороне этноса (по нашей терминологии «статичные характеристики» этничности), в данном случае мы предлагаем совершенно новую модель понимания этноса и этничности.

³ По подсчетам А.А.Горского, «общерусский» термин «Русская земля» первенствовал в текстах в XI—XV в., но со второй половины XIV в. немного уступил первенство патристической формуле «за веру христианскую» — см.: Горский А.А. Представления о защите Отечества в Средневековой Руси (XI—XV в.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI—XX вв.): Сб. статей. М., 1994. С. 6. Такой образцовый для XVI в. текст, как «Казанская история» (время написания 1564–1565 гг.), также показывает преобладание термина «Русская земля»: Русская земля — 46 случаев; Русь — 42; Русское царство и русская держава — 9; Россия — 3; Московская держава — 1; Российское царство — 1 (подсчеты автора. — О. К.).

Причем близкие позиции терминов «Русская земля» и «Русь» указывают на то, что этнический и конфессиональный компоненты максимально сблизились. Литература Смутного времени уже полна перемен. Например, в «Повести о победах Московского государства» (написана во второй четверти XVII в.) вообще отсутствует понятие «Русская земля», вместо него — «Российская земля» (2 случая), но абсолютно доминирует термин «Московское государство», т. е. чисто политический термин (подсчеты автора. — О. К.). XVII в. в этом смысле является переходным периодом к петровскому времени, когда произошли принципиальные изменения в терминологии, касающиеся этничности.

«Благословенно воинство Небесного Царя...» (Церковь воинствующая).
1550-е годы. Москва. Икона

земли и своей. Например, в Степенной книге (Житие св. равноапостольной княгини Ольги) говорится: «не из иной страны, не из чужой земли, а из дома и отечества Русского произвел он эту богомудрую и равноапостольную великую княгиню Ольгу»⁴. В еще более раннем памятнике конца XV — начала XVI в. читаем: «и часто посылал его царь с татарами своими воевать его отечество, христиан Русской земли»⁵.

В каждом понятии из вышеперечисленного ряда звучал свой оттенок. В словах «государство», «Московское государство», «Россия» преобладало гражданское начало, выделялся политический аспект. Вот почему в таком ярком идеологическом трактате, как «Повесть о Московском государстве»⁶, написанном в начале XVII в., на первый план вышли этнополитические аспекты: «России полки», «всей российской земли», «русские люди». Хотя и здесь сохраняются прежние употребления: «русские земли», «русские люди», «страны русские». Войско, которое борется со Смутой, называется то русское, то российское.

Понятие «Русь» привязывалось к контексту, имеющему отношение к церковным вопросам. Или это слово было частью титулатуры («представился князь великий Василий Иванович всея Руси»), или обозначало «православный», «истинный», «святой мир», т. е. было близко к понятию

«Святая Русь». В «Казанской истории» о Руси говорится как о территории, на которую покушаются «поганные варвары»⁷. Судя по иллюстративным материалам (иконам, книжным иллюстрациям) Святая Русь, хотя и являлась многосложным понятием, включающим в себя святыни (храмы, иконы, мощи), частично православный народ, определенные локальные территории, но не покрывала собой всю территорию страны, в допетровский период. Например, обратим внимание на известную икону XVI в. «Церковь воинствующая», где изображено возвращение войска царя Иоанна IV из покоренной Казани. Только территория городов Москвы и Казани изображены в замкнутом кольце. Внутри московского кольца находится образ Богородицы. Все пространство между городами свято не территориально, а лишь сонмом людей и ангелов. Архангел ведет войско царя Иоанна, ангелы кадят на людей, святые (св. князь Владимир) сопровождают войско в пути. Войско идет «по узкому пути» и территория вокруг, хотя и не населена видимыми врагами, но она явно недружелюбна, духовно не освоена, этот мир еще не включен в святое пространство «Москвы». Мы не знаем ни одного образа (иконы или книжной иллюстрации) допетровского времени, где бы была изображена вся Русская Земля как одно целое, как Святая Русь. Мы видим изображения отдельных городов,

⁴ Романов Г. А. Указ. соч. С. 83–86.

⁵ Повесть о Тимофее Владимирском // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 61.

⁶ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982.

⁷ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 309, 311.

монастырей, с их небесными покровителями, мы видим икону Покров Божьей Матери в ее византийской, исторической конкретике, но нигде нет изображения Руси, как Святой Руси, как Русской Земли, как земного Отечества. Всё это не случайно, а скорее всего, указывает на то, что в допетровский период Святая Русь так и существовала, в территориальном ее аспекте, как дискретное образование отдельных локальных очагов, которые не сливались в одно сплошное море Святой Руси. А значит, у образов понятий «Отечества» и «Русской Земли» существовали те же проблемы. Всё это приводит к мысли, что в русском обществе того времени, не смотря на гармонию этнического и конфессионального, имелась глубокая потребность в преодолении локальной ограниченности Святой Руси, в поглощении неосвященных подвижнической жизнью территориальных лакун и сделать это было нельзя только механическим способом, строя новые храмы и монастыри. Эта проблема могла решаться лишь в длительной исторической перспективе.

Может быть, поэтому для периода средневековой Руси мы и не находим одного общего термина, обозначающего этническую территорию русских, поскольку существовало несколько оттенков территориально-этнического взгляда. Самым емким и часто употребляемым было понятие «Русская земля», иногда с добавлением «великая Русская Земля». В целом можно лишь реконструировать сложносмысловой единый концепт «Русская Земля — Отечество — Святая Русь» как односмысловое емкое, этнически ориентированное территориальное обозначение русского пространства. В основе «Русской земли» лежало церковное обозначение *священной земли* (Руси православной, Святой Руси), которая свята присутствием на ней Православной Церкви, святых, истории, связанной с защитой духовных истин и истинной свободы («правды Божьей»⁸). В церковную составляющую входили церкви, монастыри, священство, святые и подвижники — словом, совокупность христианских православных святынь, данных православным во спасение души. Она также обозначалась как земля, хранимая Божьей Матерью, Ее святым покровом, и в этом

Отечество.
Новгородская школа. Икона. XIV в.

высоком покровительстве заключалась важная мысль о материнстве в целом. Материнское покровительство общего, этнического характера в данном случае имело высокий, небесный статус.

Исходя из отношения Русской Земли к иноземному миру — это земля отцов, с их могилами, памятными делами и заветами, что озвучивалось словом «Отечество». Вот как емко эту мысль передает великий князь Василий Иванович, в свой предсмертный час: «Вверю сына моего Ивана Богу и Пречистой Богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу моему Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым благословил меня отец мой, князь всея Руси Иван Васильевич»⁹. Теми же словами напутствовали тогда перед кончиной своих чад и крестьянин, и купец, и священник. Это было общее понимание отеческой власти, присущее всем социальным группам, как по вертикали, так и

⁸ Повесть о болезни и смерти Василия III // Памятники литературы Древней Руси. М., 1985. С. 33.

⁹ Там же.

по горизонтали (т.е. с ориентацией на предков). В понятие «Отечество» входило и понимание его как Земли Русской, в ее чисто жизнеобеспечивающих функциях: хозяйственных, культурных, политических. Термин «Русская Земля» как бы скреплял все смыслы в один, хотя и не заменял и не поглощал полностью ни понятия «Отечество», ни понятия «Святая Русь». Во многих случаях, там, где средневековый автор говорил о Русской земле, присутствует указание на то, что она связана с православной верой, святостью, крещением: «Земля бо Руска благословися ваю кровью и мощами лежащих в церкви духом божествене просвещаета...»¹⁰. Более частое употребление словосочетания «Русская Земля» объясняется, скорее всего, тем, что здесь на первый план выдвинут чисто этнический ракурс — это земля живущего на данной территории русского этноса.

Было еще одно территориальное понятие с этническим содержанием — «родина». Это было микропонятие, означающее место рождение человека, т.е. конкретное село, город, посад. У понятия «родины» не было такого ярко выраженного этнического заряда, как у понятия «Русская земля», ведь это был не только этнический концепт, но еще социальный и правовой. Поэтому с родиной был связан такой этнически размытый термин, как «народ». В народе присутствует три содержательных начала этническое, социальное и правовое: «Народ как социум включает в себя все сословные и иерархические группы общества; народ как этнос — моноэтничен (русский народ, татарский народ и т. д.), народ как гражданское сообщество — субъект определенного правового поля»¹¹. При этом единство всех трех компонентов в народе обеспечивалось религиозным началом. Православие настолько тесно связало народ в одно целое, что конфессиональный признак сделался почти что синонимом этнического. Русский человек понимался как православный, и наоборот. В целом же этническая статичная картина выглядела так: в *точке* отсчета, рождения, там, где «родина», находится «народ». А в *территории* освоения земли, там, где появилось понятие «Русская земля», живет конкретный этнос — русские. В этом асимметричном территориальном пространстве и существует «народ-этнос». Уточним, что таковой схема «Русская Земля — родина»

была в допетровской России. Русская земля в этой асимметричной паре первенствовала, поскольку это понятие несло основную идейную нагрузку. Это заставляет предположить, что насыщение этнического начала конфессиональным происходило в поле действия «Русской земли» (и русских как этноса), а не там, где была «родина» и народ. А поскольку «Русской землей» являлась священная русская земля, с ее святыми и святынями, находящая под покровом Божьей Матери, — вот отсюда конфессионим «православные» самым тесным образом и сблизился с этнонимом «русские».

Статья посвящена проблеме трансформации понятий «родина» и «Русская земля» за счет постепенного смыслового расширения понятия «родина», начиная с XVIII столетия, и постепенного поглощения этим понятием всех прежних смыслов, присущих традиционному для православной Руси понятию «Русская земля».

Покров Божьей Матери. Роспись на потолке сельского храма.
Тамбовская обл. Село Питим.
Храм Архистратига Михаила

¹⁰ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 61.

¹¹ Кириченко О. В. От редактора // Святыни и святость в жизни русского народа. Этнографическое исследование. М., 2010. С. 7.

История эволюции понятий «Русская земля — Отечество — Святая Русь»

Понятие «Отечество», как оттенок понятия «Русская земля», появляется в русских летописях со второй половины XV в. как результат того, что «Куликовская битва дала мощный импульс развитию самосознания общества»¹². В более ранних произведениях понятие «отечество» имело локальный характер, означая «свой город», «свое село», «свой удел». Но уже в житии князя Димитрия Донского отчиной его названа вся русская земля¹³, т. е. движению к этническому конструкту началось. «В самых ранних текстах “Повести временных лет” находим мы слова *отчьствие, отьчина*»¹⁴. По происхождению оно болгаризм, возникший на Руси в X в., пишет В. В. Колесов со ссылкой на исследование Д. Ангелова (1977 г.)¹⁵. «Сначала отчество заменило слово родъ, т. е. отец, как глава сменил “деда”: уже не “род”, а “семья” в центре внимания славянина». «Отечество всегда пребывает в “отчине”»¹⁶. «Отчина» и «вотчина», как считает В. В. Колесов, понятия, тесно связанные между собой¹⁷. «В высоком слоге книжной речи отечество все чаще стало замещать слово отчина»¹⁸. В. В. Колесов считает, что обогащение «отечества» этническим смыслом («родная земля») произошло в России с начала XV в. и пришло к нам опять из Болгарии, через ученика митрополита Киприана. Выше мы отмечали, приводя тексты конца XV и середины XVI в., что у «отечества» уже существовал высокий смысл, делающий его синонимом такого емкого понятия, как «Русская земля». Но, как отметил В. В. Колесов, в «отечестве» существовали и другие смыслы, связанные с государственно-чиновным и владетельным положением¹⁹.

В период петровских реформ именно термин «отечество» изымается государственными идеологами из общей составляющей «Русская Земля — Отечество — Святая Русь» и атрибу-

Дерево государства Московского.
Симон Ушаков. 1668 г. Икона

тируется как понятие с узко гражданским смыслом (отечество — государство — империя). То есть прежний смысл «отечества» — «наша, русская, православная, а не иноземная страна» был сужен до рамок смысла «наша российская, а не чужая, иная держава». «Отечество» становится основным понятием в официальных государственных документах манифестного характера. Императору Петру Великому было

¹² Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. статей. М., 1994. С. 22.

¹³ Кром М. М. Указ соч. С. 18.

¹⁴ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 243.

¹⁵ Там же. С. 244.

¹⁶ Там же. С. 244.

¹⁷ Там же. С. 243.

¹⁸ Там же. С. 246.

¹⁹ Там же. С. 246.

предложено принять титул «Отец Отечества». И хотя Петр не принял предложения, но со временем Екатерина Великая от такого предложения не отказалась. Подобные инициативы указывали на новое понимание отношений «отца и сына» в государстве и Русской земле. Прежние отношения связывали отца и сына непосредственно: великого князя (или позже царя) с его сыном наследником, а подданные также были связаны со своими детьми. В послепетровское время император стал рассматриваться как отец всему народу, что зачеркивало первенство прежних смыслов, конкретность отношений отца и сына. Где подданные императора могли взять такие же абстрактные смыслы? Только в переориентации с прошлого на будущее. Отец в прежние годы, передавая перед смертью власть над домом, над землей сыну, уходил в прошлое, и за этим отцовским прошлым стояло бесчисленное множество конкретных отцов, которые оставили своим сыновьям землю и власть. Что происходило в новой модели? Император предлагал в предсмертный час отдавать власть и землю «отечеству». Это было более существенно, чем юридическая практика передачи наследнику, по завещанию. И хотя завещание продолжало «работать», но умы будоражило и «право отечества» решать судьбу следующего императора. Этим, на наш взгляд, можно объяснить существование феномена пышно расцветших в XVIII в. дворцовых переворотов, да и постепенно растущую аристократическую отдаленность от правящего императора. Внутри своей личной семьи каждый российский подданный теоретически также был дезориентирован, имея перед глазами императорскую модель. Передача власти не сыну, а некоему принципу, абстрактному началу — «отечеству» (когда все стало сводиться к «юридическому документу») — должно было со временем породить ситуацию отторжения отцовской власти нелегитимными способами, что в конце концов разрушительно подействовало в отношении семьи и русского этноса в целом.

Новое обозначение этнических пространственных границ в России, привитых Петром I, означало лишь то, что у этих границ, однозначно обозначенных при Петре I термином «отечество», исчезло этническое смысловое содержание. То есть все русские были поставлены перед необходимостью постепенно отказаться от привычной пространственно-этнической категории, связываемой ранее с терминами Русская Земля, Русь,

Святая Русь, Отечество, как русская православная страна. Ниже, в выводах после статьи, мы коснемся мотивов царя-реформатора и в целом того, насколько промыслительно необходимым был этот шаг, здесь же отметим: в обществе существовали довольно серьезные споры и опасения за судьбу национальных ценностей и национальной традиции. Хотя в первое пореформенное столетие самые значительные силы (включая церковные) были на стороне реформатора и реформ. Слово один патетичный гимн Отечеству, в его новом звучании, звучат слова М. В. Ломоносова — одного из тех, кто активно поддерживал линию Петра I. В похвальном слове Елизавете Петровне (26 ноября 1749 г.) великий русский ученый, поэт и ритор употребляет следующие эпитеты и понятия: «отеческий престол», «Россия», «верные сыны отечества», «отеческий дух и вера», «Россияне», «отеческий скипетр и меч», «российская сила», «отечество», «российский народ», «российское государство», «множество народов России», «Мати Российская»²⁰. Тем же тоном отмечено похвальное слово императору

Двуглавый орел на заглавном листе книги Лазаря Барановича «Трубы на дни нарочитые праздников Господних, Богородичных». 1674 г.

²⁰ Цит. по книге: Ломоносов М.В. Для пользы общества... / Сост., вступ. ст. прим. А.А. Елеонской. М.: Сов. Россия, 1990. С. 27–42.

Петру Великому (26 апреля 1755 г.). Здесь же указывается, что «за великие заслуги к отечеству назван Он Отцом Отечества»²¹. То есть те, кто видел себя «человеком государства», вполне искренне могли полагать, что «Отечество» продолжает иметь то же значение, что и раньше.

Между тем к концу столетия среди помещичьей православной России стало распространяться и разочарование тем, что империя не щадит русских начал, русского духа и образа жизни. Это не чувствовалось так остро ранее, пока брились бороды и менялось платье, шло приобщение к иностранным языкам и литературе — словом, пока затрагивались те этнические основы, которые выше были охарактеризованы как динамические (овладение этничностью временем). Но стало невыносимым, когда дворяне в значительном количестве опять вернулись в свои родовые гнезда и здесь нашли то, что называется понятием «родина» и что также имеет этническую природу, пространственного характера. Именно родина, как место личного этнического рождения, «мое этническое я», и породила весь последующий процесс, связанный с попытками вернуть «большую этничность», т. е. этничность макространства, обозначаемую понятиями «русская земля», «Святая Русь» и «православное русское отечество». Самые разные силы стали участвовать в этом движении — от революционных до консервативно православных, и на какой-то исторический момент все они находились рядом, говорили почти об одном, разделившись лишь тогда, когда пришла пора действовать. Исторической точкой отсчета для всего движения в целом стали события Отечественной войны 1812 г., осознаваемой дворянством как гнев Божий на Россию за ее отступление от собственной традиции и увлечения французской. Последующие после войны события должны были показать, кто подхватит эстафету поддержки русской этничности, какие силы и с помощью какого понятия смогут вернуть пространственной этничности ее привычное место.

Понимание родины

в простонародной среде (XVIII–XIX вв.)

Скорее всего, русское дворянство, в массе своей вернувшееся в свои имения после екатеринского манифеста, не смогло бы вернуться к этничности через понятие «родина», если бы этот ценностный императив не был в чистоте своей сохранен русскими православными крестьянами. Крестьянские воспоминания позволяют увидеть взгляд людей из простонародной среды на родные границы этнической территории. В абсолютном большинстве случаев в рассмотренных нами текстах, речь идет о родине как месте рождения человека. Обратимся к нескольким характерным примерам.

Мемуары Леонтия Автономовича Травина представляют особый интерес, поскольку автор жил в переходную эпоху (1732 — первая четверть XIX), когда происходило рождение понятия «родина», идентичное понятию «отечество»²². Для него еще привычно отечеством величать свою малую родину. То есть малая родина как старинное «отчина». Место вдали от отечества — это «чужая сторона». Автор происходил из дворовых писарей пригорода Пскова сельца или слободы Вельи — «Отечество», — это его малая родина, место, где он родился, где похоронены родители, где живет его семья. Много раз он упоминает это слово, когда речь идет о его возвращении в родное село²³; «печаль по своему отечестве, паче же о оставшемся семействе»²⁴; «желаемый ко отечеству путь», «пожив во отечестве моем в Велье» (Псковщина), «имев разлуку с родительницею, женою, дочерью, лишась дому, иждивения и отечества»²⁵.

В воспоминаниях дворовой девушки, а потом няни дворянских детей А. Г. Хрущевой, всю жизнь прожившей в помещичьей семье, родина — это место, где она родилась, откуда ее увезли из родительского дома (сельцо Дворянкино Любимского уезда Ярославской губ.)²⁶.

Автор следующих воспоминаний С. Пурлевский (1880–1868) вышел из крепостных крестьян, занимался торговыми делами и в конце жизни сделался купцом 2-й гильдии в Москве²⁷. Везде он

²¹ Мемуары Леонтия Автономовича Травина // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение. 2006.

²² Там же. С. 81.

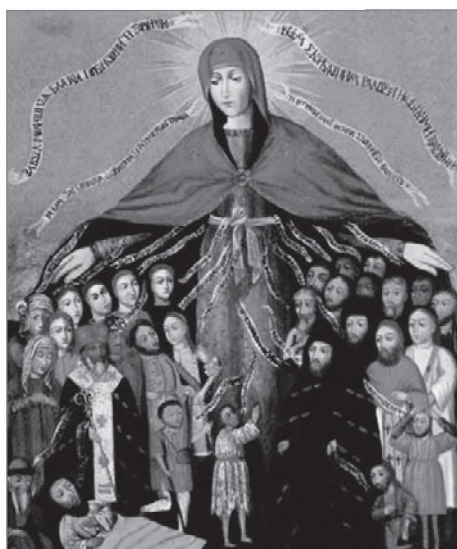
²³ Там же. С. 37.

²⁴ Там же. С. 40.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Пурлевский С. Д. Воспоминания крепостного // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Образ Успения Божьей Матери. XVII в.
Малороссия

пишет о своей малой родине: «Великое село (Ярославская губ.), место нашей родины»; «крестьяне нашей родины (1250 душ)». Отца и мать называет: «родитель» и «родительница». «Никому не хотелось лишиться родины: лучше отказаться от праздничного куска, лишь бы избавиться от опалы»; «так как знали его родину в шести верстах от себя»; «для свободного следования на родину»; «на моей родине в Великом селе с незапамятных времен усвоено женским полом искусство работать тонкие полотна»²⁸.

Автор других воспоминаний Н. Н. Шипов был крепостным, всю жизнь он занимался торговыми делами в самых разных концах России, хорошо знал жизнь других народов, знал многие языки малых народов России²⁹. Н. Н. Шипов называет Москву «матушка-белокаменная». «Я уже собирался ехать обратно на родину», — речь идет о слободе Выездной, близ г. Арзамаса Нижегородской губ., — «Меня с женой и сыном отправили по этапу из Ставрополя на родину», «в Арзамас на родину», «я возвратился на родину», «покинул свою родину»; «для препровождения на родину»; «не придется видеть ни родины,

ни милого семейства»; «добрался до родины — Выездной слободы. Поклонился праху родительскому, повидался с родными и знакомыми»; «всю широкую раздольную Русь-матушку»; «прибыл на родину в Выездную слободу»; «я оставил родную слободу»; «в городе Мерсине я встретился с татарами, которые по расспросам были кавказские, Пятигорского уезда, с реки Кумы; приняли турецкое подданство и их поселили сюда. Они были очень недовольны здешним местопребыванием и желали бы снова возвратиться на родину».

Крестьянин Ярославской губ. А. Артынов начинает воспоминания со слов³⁰: «Родина моя — село Угодищи Ростовского уезда, Ярославской губернии». Описывает «родного дядю», «родных сестер».

И. В. Васильев (1822–1893) был сельским писарем в Пошехонском у. Ярославской губ. Он также пишет о конкретной родине: «В других местах тогдашней Макаровской волости, на моей родине»³¹.

Во всех этих приведенных случаях родина понимается как место рождения, малая родина. Для широкого понимания крестьяне употребляют такие конкретные слова, как Россия, Русь-матушка. Крестьянская среда однозначно связывала со словом «родина» одно понимание — место своего рождения. Л. А. Травин, употребивший в этом же смысле слово «отечество», принадлежал к мелкочиничинской среде и, возможно, он нарочито пользуется не простонародным, а книжным понятием. Во всяком случае, важно отметить, что подобный «люфт» в употреблении разных слов, сводимых к одному смыслу, в это время еще допускался. Именно отсюда, из народной среды, сохранившей искомое этническое зерно понятие «родина» как этническое понятие, хотя и означающее конкретную «точку» в пространстве, и будет взят термин «родина» для формирования нового этнического макроконцепта, наподобие средневековой «Русской Земли». Борьба за понятие «родина» станет предметом не только ученых и художественных споров, но эти споры выйдут на уровень политического противостояния, которое завершится революцией 1917 г.

²⁸ Пурлевский С. Д. Воспоминания крепостного // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 108–154.

²⁹ Шипов Н. Н. «История моей жизни и моих странствий» // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 204–258.

³⁰ Артынов А. Я. «Воспоминания крестьянина села Угодищи Ярославской губернии Ростовского уезда» // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

³¹ Васильев И. В. «Мои воспоминания» // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

**Славянофилы и западники
в борьбе за «родину»
в период до 1840-х годов**

Война России с Наполеоном принесла много нового и сильно повлияла на умонастроения русского общества, на перемены в мыслях и чувствах в отношении этнических границ России. Именно тогда стали складываться две идейные, оппозиционные официальной власти (с их точки зрения — виновника пространственной диэтнизации русских) силы (западники и славянофилы). Они вышли из одной стихии — войны с Наполеоном, но далее дороги их разошлись. Говоря с некоторой долей условности о двух территориальных центрах первоначального формирования этих сил, все же отметим: революционная оппозиция правительству, формирующая этническое понятие «родины» с гражданским содержанием, тяготела более к Санкт-Петербургу, другая же оппозиционная сила была более связана с Москвой.

В те же годы в официальной правительственной позиции, а также в церковной, продолжало звучать слово «отечество». И хотя та и другая сторона вкладывала в него разное содержание, но как такового противоречия или диссонанса словно и не наблюдалось. Митрополит Московский Августин так отзывался на события Тильзитского мира: «Мир паки озарил любезное отечество наше». И далее «Любовь к Отечеству — вот жертва, которою достойно возблагодарить мы можем и Бога... и государя, назидającego и хранящего спокойствие и блаженство наше»³². Александр I также употреблял понятие «отечество», когда благодарил московское дворянство, «всегда готовое действовать ко благу отечества». В манифесте по поводу итогов войны говорилось о «духе отечественной ревности»³³, «благодарное отечество» будет помнить о героях. «Слияние мужества и любви к отечеству».

От нападения Наполеона страшно пострадала древняя российская столица, Москва. Рядом находились старинные родовые гнезда дворян, безжалостно разоренные врагом. Война с агрессором официально была обозначена как Отечественная. Поэт Д. Давыдов так отзывался об этом времени: «Тогда еще между нами не было ни одного космополита, все мы были люди старинного вос-

питания и духа, православными россиянами, для коих оскорбление чести отечества было то же, что оскорбление собственной чести»³⁴. Именно Москва, прошедшая через горнило горестных и трагических испытаний, смогла очнуться от галломании и постараться вернуться на старые стези.

Н. Ф. Дубровин в своем замечательном труде «Русская жизнь в начале XIX в.» отмечает, что возвращение к русским началам стало для москвичей после освобождения сожженной Москвы насущной потребностью. До войны в великолепную залу Благородного собрания по вторникам съезжалось от 3 до 5 тысяч чел., собирався «настоящий съезд России»³⁵ — от вельмож до мелкопоместного дворянства. «Здесь было много родни, родственного, родовитого, старинного. Но в то же время русский язык и русские обычаи были забыты»³⁶. Война в значительной мере вернула им память о прошлом. Вслед за старой столицей «Россия училась говорить, читать и писать по-русски, по книгам и журналам, издаваемым в Москве. Русская литература долго имела Москву своей столицей и своей колыбелью»³⁷. В Москве появилось Общество истории и древностей российских (при МГУ), университет стал уделять особое внимание русскому языку, в древней столице выходило большинство русских периодических изданий. Здесь жили Карамзин и Дмитриев. Здесь обосновался «Русский вестник» С. Н. Глинки, много говоривший о русской традиции. У москвича В. А. Жуковского первенство перед любовью к отечеству отдается «жизни у семейного очага»³⁸. Стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов» пользовалось большой популярностью у публики.

Отчизне кубок сей, друзья!

Страны, где мы впервые вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные.

Родного неба милый свет,

Знакомые потоки,

Златые игры первых лет

И первых лет уроки—

Что вашу прелесть заменит?

О Родина святая,

Какое сердце не дрожит,

Тебя благословляя.

³² Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. СПб., 2007. С. 52.

³³ Там же. С. 53.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 121.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Там же. С. 129.

³⁸ Там же. С. 136.

В этом случае всё «официозное», озвучивающее точку зрения правительства на Отечество, начинает подвергаться критике. «Сын отчества» начинает рассматриваться в обществе как пустой мечтатель. Историк отмечает, выражая позицию русских патриотов: «Служба государству была унижена, и самые почетные места занимались в уездах людьми, часто не соответствовавшими исполнению возложенных на них обязанностей». Служба отечеству занижалась и уже не выглядела так весомо и священно. Люди честные малопомалу начинают уклоняться от служения, по слову современника. Так постепенно коллективное «отечество» начинает заменяться индивидуальным «родина». Защита семьи, очага, т. е. родины становится более важным и действенным³⁹.

В поэзии этого времени уже заметен женский оттенок в характеристике территории: «край родной», «герои стран родных»⁴⁰. К. Н. Батюшков пишет в 1813 г. «К Дашкову»: «Я видел милых матерей из милой родины изгнанных, Москва, Отчизны край, златой, и жизнь, и к родине любовь». Слово «отчизна» имеет некий переходный оттенок, это нечто среднее между отечеством и родиной, но уже женского рода. Тот же автор в 1816 г. написал: «Царю, отчизне благодарной, знамен отчизны грозный лес». В стихах Ф. Н. Глинки 1812 г. звучат слова «Россия (ее верные сыны), друзья, отечество, народ, поля родные, святая земля». Поэт-гусар Д. В. Давыдов произносит: «наша матушка Россия»; «мой долг священный — вновь за родину восстать» (1815 г.); «Как на чужбине песнь отчизны изгнаннику земли родной» (1834 г.). У А. И. Одоевского слова «За святую Русь» звучат рефреном в стихотворении 1830 г. Он же пишет в стихах 1836 г. «на родине моей, опять в кругу союзников-друзей».

Первая половина XIX в. была сложным временем возвращения всех общественных сил в России к русской идее. Мы говорим «к русской идее» не в современном историософском смысле, как поиске идеологической концепции, а о возвращении к общей тогда мысли — к русским началам. Еще не выкристаллизовалось ни одно направление, не было емких идей, сами концепции еще не были проработаны, было много эмоций и споров. На фоне этой «смутной мысли» и «общественных эмоций» родилось движение декабристов.

В стихах К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, в программных документах этих первых революционеров зазвучали эпитеты, которые потом мы встретим в текстах славянофилов, хотя и в другом смысловом контексте: «Русская земля, Русь, Святая Русь, родная Русь». Звучит и слово «отечество», которое порой проskalъзывает, словно мера высоты нового понимания родины. К. Ф. Рылеев пишет: «Неистовый тиран *родной страны* своей, *отечество мое*» (1820 г.). В стихотворении «Смерть Ермака» (1821 г.): «За Русь святую погибая, благословения отчизны»; стихотворение «Иван Сусанин» (1824 г.): «Любовью к отчизне и вере горя, «на Русской земле», «В ней каждый *отчизну* с младенчества любит» (1824 г.); в стихотворении «К NN»: «Увы! Моя *отчизна* страдает». Как видим, поэт оперирует очень близким к понятию «родина» словом «отчизна», постоянно соотнося его с синонимами «Русь, Святая Русь, родная страна». В. К. Кюхельбекер, также бывший декабристом, видит Россию в особом ореоле. В стихотворении «На смерть Чернова» (1825 г.) он пишет: «Нет, не отчества сыны Святую ненавидят Русь», или позже: «На Руси святой» (1827 г.). У А. А. Дельвига звучит: «И как русский любит родину» (1829 г.). Н. М. Языков восклицает в стихах 1824 г.: «О! долго цепи вековые с рамен отчизны не спадут. А уже в 1827 г.: «И за родину мы пьем», (пьют с немцами за то, чтобы Русь не умерла. — О. К.) «первым царством в поднебесной и счастлива и славна!»

Программные документы декабристов также красноречиво свидетельствуют о том, что тема «русского народа» становится доминирующей для дворянских революционеров. В проекте конституции Н. М. Муравьева первая глава называется «О народе Русском и правлении». Здесь отмечено: «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства»⁴¹. Существовал также документ «Манифест, или манифест к русскому народу». Эпиграфом манифеста были строки из церковной «молитвы за Отечество»⁴². Конституция П. И. Пестеля, называвшаяся «Русская правда», была также обращена к русскому народу как искомому субъекту, ради которого и совершались революцион-

³⁹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. СПб., 2007. С. 154–155.

⁴⁰ Там же. С. 54.

⁴¹ Дружинин Н. В. Конституция Никиты Муравьева (происхождение и различные варианты) // Декабристы и их время. Т. 1. М., 1928. С. 62–108.

⁴² Он же. Программа северных декабристов. — Изв. АН СССР. Сер. Истории философии. М., 1951. Т. 8. № 1. С. 42–45.

ные события. Любопытны мотивационные объяснения князя С. П. Трубецкого причин создания тайных обществ в России. С покаянным осознанием своей вины, на следствии он утверждает: «Предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству. Сие чувство, которым всякий человек обязан своей Родине, хорошо понятое, заставляет действовать к пользе государства, худо понятое может сделать величайший вред, и бедственные последствия оно не могут быть довольно исчислены. Сие худо понятое чувство любви к Отечеству составляет тайные политические общества»⁴³. Говоря о положительно понятом чувстве, князь выделяет события войны 1812 г. «Нападение Наполеона на Россию в 1812 г. возбудило в русских любовь к Отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным государем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрывалось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастье участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что каждый из них был полезен своему Отечеству»⁴⁴. В мирное время бывшие воины много говорили о желании и в мирные годы послужить на пользу Отечества, говорили между собой «о чести имени русского».

С. П. Трубецкой употребляет понятие «родина» в широком смысле, для него это страна, земля, но при этом князь разделяет отечество и родину: любовью к отечеству человек обязан своей родине. Перед нами, безусловно, один из ранних текстов, где понятие «родина» проявляется как новый, самостоятельный образец общего понятия. Родина для Трубецкого — это нечто вроде общего места рождения для всего народа. Родина есть нечто органичное, почти природное, в то время как отечество — завоеванное, заслуженное, приобретенное. Но при этом мы любим это «приобретенное», потому что оно появилось на земле наших родителей, нашего народа. Тема «родины» уже начала обозначаться в умах и сердцах патриотов, в том числе и революционного направления. В стихах другого декабриста В. Ф. Раевского говорится:

Для кроткого царя, для родины священной
Приятно жертвовать собой.
В наш век чудесный, просвещенный
Примеры славных дел сияют пред тобой.
Отечество твое под скипетром священным...
Колосс надменный пал!... Европа в удивленье,
Зрит победителя, свободу и закон;
Благословенен мир повсюду, в восхищенье
Благословляет русский трон!
Так, юноша, гордись отчиною своею,
Спешి ей долг отдать, ее достойным быть...
пера⁴⁵.

Здесь налицо два новых термина: «родина» как священная держава и «отчизна» как синоним родины.

Понятие «отечество» продолжает широко употребляться в патриотических кругах. Русское дворянство, не выработав нового термина, продолжало использовать старый — «отечество», придавая, однако, ему более глубокий смысл, чем оно имело в официальных документах. Может быть, в силу столь высокой интеллектуальной напряженности, ощущения терминологического дефицита, в ряде случаев мы можем наблюдать попытку трактовать гражданское начало почти как этническое. В. Ф. Раевский пишет: «Под искрою гражданства разумел я чистую любовь ко всему своему или отеческому»⁴⁶. Другой оппозиционер российского самодержавия, хотя и не состоявшийся декабрист, П. Я. Чаадаев зримо чувствовал эти новые веяния: «В настоящую минуту у нас происходит странный процесс в умах. Выбатывается какая-то национальность, которая не имеет возможности обосноваться ни на чем, так как для сего решительно отсутствует какой-либо материал, будет понятно, если только удастся соорудить что-нибудь подобное, совершенно искусственным созданием»⁴⁷. В письме к А. Х. Бенкендорфу он красноречиво заявляет, что пишет русскому царю не по-русски (по-французски) и стыдится этого. «Я желал выразить Государю чувство, полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал»⁴⁸. Для Чаадаева привычно употребление понятие «родина» в широком смысле слова, причем он привязывает его

⁴³ Записка-показание об истории тайных обществ // *Трубецкой С. П. Материалы и жизни и революционной деятельности. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки.* Т. 1. Иркутск, 1983. С. 84.

⁴⁴ Там же. С. 85.

⁴⁵ *Раевский В. Ф. Оправдания* // *Раевский В. Ф. Материалы и жизни и революционной деятельности. Материалы судебного процесса и документы и жизни и деятельности в Сибири.* Т. 2. Иркутск, 1983. С. 141.

⁴⁶ Показания В. Ф. Раевского по содержанию его «Протеста» и дополнения к «Протесту» // Там же. С. 212.

⁴⁷ *Чаадаев П. Я. Сочинения.* М.: Правда, 1989. С. 373.

⁴⁸ Там же. С. 367.

к также часто употребляемому «отечество». Это наиболее ясно представлено в статье «Апология сумасшедшего». Он пишет: «Прекрасная вещь — любовь к отечеству (написано не с заглавной буквы. — О. К.), но есть еще более прекрасное — любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо»⁴⁹.

В чем смысл такого нарочитого противостояния любви к истине и патриотических чувств, чего в жизни, конечно, не происходит. Любящий Божью истину, монах, прп. Сергей Радонежский, как патриот Руси, благословляет двух своих иноков, а также князя Димитрия на битву за свободу родины-отечества. И это обычный для Руси порядок вещей. Но для П. Я. Чаадаева же эти два пути взаимоисключающие. Всё это указывает на узко (политически) понимаемое им патриотическое чувство, только как служение интересам государства, самодержавия, отдельных политических сил. В этом случае и «родина», как синоним «отечества», не имеет духовного содержания, потому что служение этому пути «не ведет на небо». Похоже на то, что Чаадаев, как самозабвенный апологет западной культуры, англоман, знаток английского языка, член Английского клуба в Москве, конструирует понятие «родина», как кальку с английского home.

Философ постоянно обращает внимание, что мы, русские, не так, не зрело любим свою родину. «Мы имеем только патриотические инстинкты. Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещенных научным знанием и мышлением; мы любим наше отечество еще на манер тех юных народов, которых еще не тревожила мысль...»⁵⁰. Ради этой красивой западной патристичности Чаадаев готов отказаться от любви к своему отечеству: «Когда же вы поселились однажды в недрах древней Англии, когда кроткая приязнь, наслаждение симпатии окружают вас отовсюду и заменят всю скуку первого приема; когда вам удастся, наконец, там, посреди

английского семейства, на зеленой лужайке красивого загородного дома, под тенью прекрасных дубов и кленов (вязов), — удастся произнести слово home, как говорит его природный житель, тогда, не знаю, но мне кажется, что без сожаления изгладится из памяти воспоминание об отечестве, хотя бы это отечество была дорогая наша Россия (Русь)!⁵¹». Невольно вспоминается иной взгляд на ту же тему, в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Родина».

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

В 1830–1840-е годы зарождается и активизируется консервативное направление, в истории общественной мысли обозначаемое как славянофильство. Славянофилы, хотя и являлись оппозиционерами правительству (по вопросу о пассивности правительства в отношении поддержки самобытности русской народной жизни, русских начал), но их отличал умеренный, не революционный тон, поскольку они по-другому смотрели на проблему просвещения «русского народа». По сути, славянофилы появились на волне горького опыта тех страшных событий декабря 1825 г.,

⁴⁹ Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 140.

⁵⁰ Там же. С. 153.

⁵¹ Там же. С. 156.

которые чуть было не свергли страну и народ в новую Смуту, подобную началу XVII столетия. Консервативное дворянство сделало тогда для себя важные выводы о недопустимости прямого давления на правительство по «народному вопросу». Да и само правительство вскоре поставило вопрос о необходимости повсеместного просвещения русского народа за счет создания массовых школ. Министр народного просвещения граф С. С. Уваров в 1832 г. формулирует, что задача народного воспитания «должна совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия, Народности»⁵². Ключевым термином для понимания характера стратегии правительства является слово «народность». Обращаясь к народу как к социальному субъекту, а не к русским как к этносу⁵³, правительство, по сути, начинает действовать не на своем поле (отечество — гражданство), а на общественном. «Родина» как широкое понятие к этому времени стала прерогативой общества, и народ как субъект действия в рамках понятия «родина» был сопряжен с этим смыслом.

Правительство со времени Петра I, взявшего «отечество», в его узко гражданском понимании, теперь словно отказывается от своего выбора. Но и понятие «родина» правительство готово развивать лишь в рамках духовных и социальных, но не этнических, на что указывает смысловой ряд «Православие. Самодержавие. Народность». О какой именно народности идет речь, здесь не сказано. Этнический вопрос опять оставался открытым. Это понимали и консервативные и либеральные образованные силы России.

Желая русскому народу добра, славянофилы за основу деятельности взяли теоретическую мысль и практическое полезное действие — исследование народной жизни русских, сделав упор на этнической составляющей. Необычайно сложно было соотнести и отделить этническое и социальное в народном организме и отдать предпочтение первому. Сначала был сделан практический шаг — началась активная собирательная деятельность. Собирательная деятельность в целом на долгие десятилетия становится живым и действенным направлением для огромного числа русских ученых. Иван Васильевич Киреевский — представитель теоретического направления — пишет ряд небольших статей, где формулирует отличие западной духовности от восточной, пра-

вославной. Главный вывод его состоит в том, что самобытность восточной духовности, в том числе русской православной, имеет творческий, а не догматический характер. Основой для творческого подхода является опора на святоотеческое наследие и непрерывный духовный опыт, который складывается в процессе подвижнической христианской жизни. Догматический же западный подход основан на искаженных человеческими субъективными умствованиями, узаконенных Западной Церковью установках.

В подготовительных материалах к статье «О необходимости и возможности новых начал для философии», датированных 1852–1856 гг., мыслитель постоянно обращается к теме русскости: «склад русского ума», «характер коренных русских нравов», «на поверхности русской жизни», «в Русской земле», «духовной жизни русского человека», «первоначальное направление русской образованности», «дело русской общественной жизни», «русский человек», «в обычаях и нравах своих отцов русский человек видит что-то святое» — вот определения, которые его волнуют. Заметно желание И. В. Киреевского подчеркнуть через этничность качественную определенность явления. Что касается общего понятия, то оно у Киреевского одно — «отечество»⁵⁴. По мысли философа, главное зло, мешающее отечеству в текущий момент — распространившееся в народе неуважение к святости правды, легкость лжи, лежесвидетельствования, ложных клятв. Ставя так вопрос, Киреевский рассматривает отечество как эталон, которому русские люди, народ должны соответствовать. В этом подходе заметна позиция традиционалиста, привыкшего видеть в Отечестве глубинный термин, а не усеченный, с только гражданским или только церковным содержанием. В другой статье Киреевский пишет на этот счет так: «У народов остались родины, но отечество исчезло и не могло возникнуть иначе, как из внутреннего единомыслия. Одна церковь христианская оставалась живою, внутреннюю связью между людьми... Потому стремление к единомыслию и единодушию в церкви было полным выражением и любви к Богу, и любви к человечеству, и любви к отечеству, и любви к истине»⁵⁵. Обратимся еще для характеристики воззрений И. В. Киреевского к его оценке

⁵² Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2009. С. 547.

⁵³ Что не исключало личного народолюбия графа Уварова и его личного отношения к народу, как к русскому народу.

⁵⁴ Киреевский И. В. Отрывки // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч. : в 4-х т. Т. 1. Калуга, 2006. С. 181–200.

⁵⁵ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Там же. С. 238.

творчества А. С. Пушкина. Исследователь говорит, что Пушкин постепенно становится поэтом русских начал («период поэзии русско-пушкинской»). Эту поэзию характеризует «живописность, какая-то беспечность, какая-то особенная задумчивость, и, наконец, что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу; ибо как назвать то чувство, которым дышит мелодия русских песен, к которому чаще всего возвращается русский народ и которое можно назвать центром его сердечной жизни». А далее он говорит о предметном характере средоточия: «Надобно еще быть воспитанным в средоточии жизни своего народа, разделять надежды своего отечества, его стремления, его утраты — словом, жить его жизнью и выражать его невольно, выражая себя»⁵⁶. Речь опять же идет об отечестве в старинной, допетровской, широкой трактовке: отечество, как то все великое, сильное, славное, прекрасное и священное, что объединяет народ (духовно и телесно) в одно целое.

Отечество у славянофилов раннего периода не было вытеснено понятием «родина». Их творческая деятельность направлена на то, чтобы вернуть этому исконному русскому понятию жизнь. Они считали, что основание для этого есть, что нельзя считать их точку зрения умозрительной. В народе, несмотря ни на какие нововведения, всегда сохраняется консервативное начало, и в определенный момент истории оно проявится и вернет всему народу глубину этнического чувства. Это особенно ясно высказывал А. С. Хомяков. И. В. Киреевский же глубже и самобытнее описал творческую лабораторию существования исконного понятия отечества. Для И. В. Киреевского равноважны и «внутреннее убеждение» — опыт веры и церковной жизни русских, — и «русский быт», иначе говоря, русский этнический опыт («русский быт и эта прежняя, в нем отзывающаяся жизнь России драгоценны для нас»). Он постоянно употребляет понятие «русская земля», чтобы подчеркнуть этнический характер территории русских. Адекватно исконному смыслу у него и понятие «Святая Русь»: «Ибо если Русскую землю иногда называли “Святая Русь”, то единственно с мыслию о тех свя-

тынях мощей и монастырей и храмов Божиих, которые в ней находились...»⁵⁷ Киреевский рисует русский мир того времени Средневековья, когда понятие Отечество еще имело этнический смысл: «Воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающих их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли Русской расселенных. И имеющих, каждая на известных правах, своего распорядителя, и составляющая, каждая, свое особое согласие, или свой маленький мир, — эти маленькие миры, или согласия, сливаются в другие, большие согласия, которые в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается общее огромное согласие всей Русской земли, имеющее над собою князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания...»⁵⁸.

А. С. Хомяков еще более оживляет эту картину этнической территории русских: «Обычай и исконная привычка к жизни гражданской в городах и селах... Она (Русь. — О.К.) вся состояла на взаимном поручительстве: таков был ее гражданский смысл, основанный на ее общем характере... Вся земля почти во всех своих подробностях была основана на взаимной поруке и ответственности, подразумеваемой или высказываемой»⁵⁹. Говоря напрямую об этничности, Хомяков употребляет понятие «русский дух», иными словами, духовная сила. «Русский дух создал самую русскую землю, в бесконечном ее объеме, ибо это дело не плоти, а духа; русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общительности в тесных пределах; русский дух понял святость семьи и поставил ее как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания; он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение»⁶⁰. Говоря о России, мыслитель прибегает в разных работах 1840–1850-х годов к таким синонимам, как «отечество», «русская земля», в одном случае — «родина». А. С. Хомяков, как и И. В. Киреевский, считал реформы Петра I, исторически естественными и

⁵⁶ Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Там же. Т. 2. С. 20.

⁵⁷ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собр. соч.: в 4-х т. Т. 1. Калуга, 2006. С. 108.

⁵⁸ Там же. С. 109–110.

⁵⁹ Хомяков А. С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Хомяков А. С. Работы по философии: в 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 525.

⁶⁰ Хомяков А. С. Предисловие к «Русской беседе» // Там же. С. 587.

необходимыми для России, вызванными действительно серьезными проблемами в стране. Решив их, народ и страна могут, опираясь на богатейший потенциал прошлого, двигаться вперед: «Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, и не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью»⁶¹. Стоит лишь отметить, что и в теоретических посылах славянофилов заключались не только упования на далекое будущее, они немало потрудились, создавая Святую Русь настоящего им времени. Об этом будет сказано ниже.

Итак, к 1840 годам сложилась вполне определенная ситуация с новым этноориентированным понятием, идущим на смену средневековому понятию «Русская земля». Совершенно очевидно, что темы русского народа, русского языка и культуры в послевоенный период становятся для высшего сословия и для всех образованных людей России чрезвычайно актуальными. Актуальность этой тематики, можно сказать даже взрыв общественного народолюбия по отношению к русскому народу, привели к общей потребности в новом термине, работающем на этническую составляющую, поскольку слово «отечество», превратившееся в сугубо официальное понятие, перестало нести этническую нагрузку. И новый термин был получен из гуши народной, где «родина» означала место рождения. Обобщение же его, «растесывание» до величины прежнего макропонятия «Русская Земля» происходило разными путями: через калькирование с других языков (например, с англ. home); через уточнение ставшего узкосмысловым понятия «отечество»; через поэтическое творчество. Кроме того, нельзя не учитывать, что вся эта созидательная работа велась разными по идеологической направленности группами, условно обозначаемыми как западники и славянофилы. И те и другие писали о русских, русском народе, Святой Руси, отечестве, хотя и по-разному понимая эти слова.

В результате творческой деятельности всех общественных сил, заинтересованных в возвращении русской этничности на историческую арену, к 1840 годам выросла основа для полноценного формирования нового понятия «Родина».

Этой основой были как этнический субстрат в понятии «Родина», означавший «место рождения всего русского народа», «земля русского народа», так и социальный и правовой. Речь шла именно о русском народе, хотя и не обо всем, а о простонародье, т. е. крестьянстве, бедных горожанах и прочих небогатых слоях общества. На слуху было и понятие «гражданин», — как достойный сын своего отечества, своей родины. Все эти три слова, из которых состоит понятие «народ» — русский, из простонародья и гражданин, разрабатывались параллельно, как взаимодополняющие друг друга характеристики народа. Соответственно «родина» в конце концов, стала пониматься как место на земле, где родился, живет и трудится простой русский народ, жаждущий обрести подлинные гражданские права.

Следует сказать еще об одном процессе. Расширение содержания понятия «родина» шло не за счет абстрактной идеологической работы западников и славянофилов, но за счет живого обращения к народным началам — современным и прошлым (в текстах и культурно-художественных образцах), в том числе — к «перетягиванию» из прошлого всех необходимых содержательных смыслов, содержащихся в понятиях Отечество, Русская Земля, Святая Русь. Поскольку современные западникам и славянофилам монополисты, владеющие понятием «Отечество» — государство и Церковь — отказались (в силу объективных причин) от этнической составляющей этого термина, то приходилось активно обращаться к прошлому, к истории, к текстам и артефактам. Несомненно, что эта деятельность была неодинаковой у той и другой стороны, хотя и западники, и славянофилы большое внимание уделяли составлению собиранию исходного материала и составлению текстов. Но уже на раннем этапе стало заметно, что западники склонны к более радикальным формам антиправительственного протеста при обращении к обществу за поддержкой. В конце концов, именно они избрали революционный путь борьбы ценою привлечения на свою сторону всех сил, недовольных самодержавным государством и Православной Церковью. Революция 1917 г. во многом явилась итогом радикально-преобразовательной работы западников. Пути западников и славянофилов разошлись, когда началась их практическая деятельность, те и другие близко узнали народ, даже в выборе главного термина обозначилась эта

⁶¹ Хомяков А. С. О старом и новом // Там же. С. 470.

разница. Славянофилы выбрали традиционные «Русская Земля — Отечество — Святая Русь», хотя это выглядело утопично в глазах современников, а западники взяли за основу термин «Родина», как будто более жизненный и народный.

1850–1900 годы

Славянофилы, несмотря на большую общественную активность западников, на практике смогли быстрее реализовать свои чаяния. Речь идет не о создании текстов, а именно о создании нового бытия, территориально протяженного, осязаемого, которое можно было связать с понятием «Святая Русь». За пределами этой возвращенной в мир России этнотерритории, однако, остались и «Отечество» и «Русская Земля», так и не вышедшие за пределы только текстов, поэтому «Святая Русь» не обрела территориальной полноты всей территории России, а была зафиксирована как локальное пространство. У отдельной общественной группы, к которой относились славянофилы, просто не было необходимых сил, чтобы максимально широко решить эту проблему. О какой Святой Руси идет речь?

Если средневековое понятие «Русская земля — Отечество — Святая Русь» было тесно привязано к небесному покровительству Божьей Матери, то для возвращения к прежнему смыслу, необходимо было развернуть практическую созидательную мощную церковную деятельность, которая имела бы, с одной стороны, строго централизованный характер, с другой стороны, охватывала бы всю территорию России. Такая деятельность началась, когда в России с конца XVIII в. стали появляться многочисленные женские общины, а с 1840-х годов превращаться в общежительные монастыри. За 70 лет их возникло более 300. Это явление в точности соответствовало вышеобозначенным условиям: оно было всенародным, захватившим все слои общества; оно являлось массовым, общероссийским и имело свой духовный центр в Сарове и

Порт-Артурская Божия Матерь.
1904 г. Икона

Дивеевской женской обители⁶². У этого явления была общая идея — созидание Четвертого удела Богородицы в Дивеево, в рамках которой, по сути, создавались по всей России новые общины и монастыри. Таким образом, идея Покрова Божьей Матери над Русской землей возвращалась в этническое поле русского народа не как единичный факт, а как и во времена прп. Сергия Радонежского — общерусское церковное под-

⁶² Сошлемся на детальную проработку этого вопроса в нашей монографии. — Кириченко О.В. Женское православное подвижничество в России. XIX–XX вв. М., 2011.

вижническое движение, направленное на созидание и хранение русской православной святости и подлинной церковности. Женские обители, созданные в самых разных уголках, большей частью, сельской России, и стали тем *территориальным* очагом Святой Руси, какой она и была в XIV–XVI вв.

В монографии «Женское православное подвижничество в России. XIX — середина XX вв.» нам приходилось отмечать, что многие образованные современники не видели, или не хотели видеть территориального поля Святой Руси, связанного с новыми женскими монастырями. Единственной силой из числа образованных лиц, которые деятельно и горячо стали помогать этому женскому подвижническому движению, были славянофилы. Именно они легализовали — через реальную помощь, книги, статьи, дискуссии, посещение старцев и монастырей, передачу денежных средств и имений в дар новым общинам и монастырям — в образованном обществе само их существование, как духовных и культурных очагов. Славянофилы, по своей сословной принадлежности, были дворяне. Новые женские монастыри, легализованные в общественном светском мнении хотя бы частью дворянства, стали легитимны и для всех других дворян. «Святая Русь» вошла в сознание всех современников, хотя и с разным отношением к ней.

Важно отметить, что церковная деятельность славянофилов сама по себе во многом их перевоспитывала: у них исчезали некоторые западнические иллюзии и заблуждения, уходило в прошлое утопическое воззрение на исконную Русь, они обретали глубинное понимание основ понятий «Святая Русь», «Русская Земля», отчего менялся и взгляд на Отечество. Исчезали радикализм (идуший от тесной связи с западниками) в суждениях и путях достижения истины, рождались духовная мудрость и молитвенная рассудительность.

Указанные перемены нашли отражение и в иконографии этого времени. В XIX в. появляются образы Богородицы, где Она предстает молящейся за род человеческий, за Россию. Образ «Умиления», принадлежавший прп. Серафиму Саровскому, «Спорительница хлебов», «Порт-Артуровская» и целый ряд других чудотворных икон становятся известны всей России. 1917 год памятен не только революцией, но и явлением иконы Божьей Матери «Державная», обретенной в день отречения святого царя Николая от престола. Церковный смысл предстательства Божьей Матери за Россию, благодаря всем вышеуказанным явлениям, стал присутствовать и в понятии

«родина». Покров Божьей Матери в пространстве «родины» отличался от Покрова времени Средневековой Русской земли — Святой Руси. Последнее понятие изначально было макропонятием, в то время как «родина» означала, условно говоря, лишь «точку» в пространстве. Точечный характер этничности в понятии «родина» указывал на то, что не было уже более *единого поля* «православного мира», «русских». Единство достигалось лишь в определенные моменты: торжеств прославления святых, крестных ходах, паломничествах. В целом же новый мир сделался этнически и духовно неоднородным, нередко в нем звучала враждебность по отношению к русским, к православию и Российской имперской державе.

Образ Божьей Матери «Спорительница хлебов». Современная икона

Реакцией со стороны западников на успешность проекта возвращения в российскую реальность Святой Руси как Земли Русской, к которому были причастны славянофилы, стала радикализация их воззрений. Перед западниками стояла задача представить русскому народу свой глобальный проект, со своими святынями, со своим «Покровом Богородицы». Но он мог быть только утопичным, иллюзорным, поскольку опирался не на реальность, а на мир, созданный художественными образами. Для успешной

реализации была необходима мифологизация бытия, в том ее значении, как об этом писал А. Ф. Лосев⁶³. Успешно реализовать эту сверхсложную задачу смогли не философы и политики-западники, а литераторы, и в первую очередь — Николай Алексеевич Некрасов.

До сих пор поэта представляют как непревзойденного *реалиста* в области художественного стихотворного описания русского народа, хотя именно он, как никто другой из русских поэтов, постарался создать чисто литературный миф⁶⁴ о русском народе, практически не совпадающий с реальностью. Некрасовский народ — это угнетенный, униженный, плачущий и страдающий народ, стон и нужда которого дошли до крайних степеней выразительности. Словно у этого народа не было ни ярких праздников, ни духовных и мирских радостей от труда на земле и в ремеслах, словно он не знал самых высоких взлетов духа в религиозной жизни, словно не было ни народной любви к царю, ни добрых отношений с благочестивым помещиком, ни семейного счастья многодетности. Но не это основное, что определяло народную жизнь, интересовало Некрасова, а нередкие случаи самого тяжелого народного горя, которые он сумел обобщить до уровня повсеместного и общенародного, — вот что являлось главной задачей поэта. Из нарочито ложного описания всероссийского «горя народного» на потребу революционным настроениям публики выросло и сугубо ложное описание русской женщины — как пребывающей в постоянном горе, безмерно страдающей жены и матери, наиболее обездоленной части русского народа.

Н. А. Некрасов (1821–1877) первый из русских литераторов соединяет в одно целое понятия «русская женщина», «Русь», «славянка», «родина», «жена». От этого «Родина» приобретает глубинный и понятный смысл, свободный от абстрактно идеологического. Писатель искусственно кон-

струирует художественными средствами образ идеальной матери, народной, крестьянской матери, Матери с большой буквы, но отличной от христианской матери — Богородицы. Череда перечисленных понятий связывается посредством описания горькой доли русской семейной крестьянки. В поэме «Мороз, красный нос», хотя и не идейной по замыслу писателя, ясно проступает четкий внутренний, допускаем, что неосознанный идейный контур поэмы. Крестьянка Дарья — это «женщина русской земли». У нее «три доли», три креста на плечах: 1. с рабом повенчаться; 2. быть матерью сына раба; 3. до гроба рабу покоряться. Из этого следует, что сама она не рассматривается автором в качестве рабыни, он видит ее свободной, и в этом мы видим указание на то, что это обобщенный образ не просто женщины, а именно Руси. На эту свободу указывают и слова автора «тип величавой славянки возможно и ныне сыскать». Укорененность в «вековечное» славянство должна указывать, что здесь тип свободы обобщенной, но свободной от оков «российской государственности». Соответственно, «раб»-крестьянин, муж крестьянки — это Отечество, это имперское государство, с которым свободная Русь связана брачными узами.

Итак, какова эта свободная Русь, родина, которая еще жива кое-где? В ней зримо видны все *идеальные* качества человека: «спокойная важность лица», «красивая сила в движениях», «походка», «взгляд царицы», «цветет: румяна, стройна, высока. Во всякой одежде красива, во всякой работе ловка». Ее внутренние качества: «И голод и холод выносит, всегда терпелива, ровна». По будням она неустанно трудится, а в праздник «в игре ее конный не словит». В поступках она готова на подвиг и самопожертвование: «в беде не сробеет, — спасет, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» Ослепительно красива: «Красивые ровные зубы, что крупные перлы у ней», но строго хранит

⁶³ О теснейшей связи поэзии с мифом пишет А. Ф. Лосев в своем известном труде, написанном в 1920-е годы, «Диалектика мифа»: «Поэзия живет отрешенным от вещей бытием и “незаинтересованным удовольствием”... Миф есть не что иное, как тот же самый отрешенный от вещей поэтический образ, но вещественно и телесно утвержденный и положенный. Миф есть поэтическая отрешенность, данная как вещь». — Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 570. Задачей Н. А. Некрасова было создание такого поэтического образа, который в последующем мог бы реализоваться в определенном мифе, т. е. в реальной «вещи», реальной жизни.

⁶⁴ А. Ф. Лосев не ставит специального вопроса о качестве мифа — мифе ложном и мифе истинном. В целом же он впервые предлагает взглянуть на миф как объективную реальность, необходимую часть нашего бытия. Более того, миф занимает вместе с религией вершину земного человеческого мироустройства и в этом его и величайшая самоценность и насущная потребность для человека жить в мифологическом мире. То, что западники вполне интуитивно избрали путь мифологизации в ответ на успешность реализации славянофильского проекта «Святой Руси», говорит о многом. Но миф требует прохождения определенного качественного пути, где есть не только «поэзия», но и «религия» и «чудо». Этот путь для западников был непреодолим в силу их критического отношения к христианству, Православной Церкви, вере. Значит, им возможно было создавать только псевдомиф, и соответственно, — «псевдопоэзию», «псевдорелигию», «псевдочудо».

целомудрие: «Но строго румяные губы хранят их красу от людей». И еще важные внутренние качества: редко улыбается, т. е. не балагурит по-пустому и одним своим внешним видом показывает, что ко мне по пустякам не суйся: «У ней не решится соседка ухвата, горшка попросить». Также она строго относится и к нищим: «Не жалок ей нищий убогий — вольно ж без работы гулять», что, очевидно, по мысли автора, должно указывать на дохристианскую мораль, потому что нищелюбие в современной поэту России было одной из укоренившихся норм в народе⁶⁵.

Некрасов подводит итог этого портрета Родины-Руси, женщины-крестьянки: «В ней ясно и крепко сознание, что все их спасенье в труде, и труд ей несет воздаянье: семейство не бьется в нужде». Таков идеал: это трудовая (а не верующая, молящаяся) Россия, Русь, единая в своем трудовом порыве и трудовой сплоченности, по-протестантски верящая в святость труда. Но этот идеал является плодом художественного творчества поэта, скорее умозрительным образом, чем реальным. Некрасов соединил все лучшее из «народного» — русского и славянского — и привязал это к придуманному им идеалу — «единству народа в труде» и представил свой образ Руси. Славянская красота женщины, должна, по мысли Некрасова, очевидно, указывать на то, что это древняя красота, а не приобретенная в последние века в христианскую эпоху. Писатель стремится не только наделить героиню идеальными физическими чертами, но и придать ей черты святости. Для освящения этого идеального образа писатель добавляет иконописные черты: «Идет эта баба к обедне пред всею семьей впереди: сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди». Но при том, что здесь явное указание на богородичный образ, автор нарочито подчеркивает: «эта баба», а не девица. Также и в словах «рядком шестилетнего сына нарядная матка ведет» проступает связь с евангельским сюжетом (Евангелие от Луки), где Богородица с 12-летним Спасителем ходила в Иерусалим. Некрасов словно говорит: «Перед нами образ священный, но это не Дева, а Женщина, земно потрудившаяся над рождением своих детей».

Смотрим далее, что происходит с «некрасовской Русью», когда ее касается испытание — смертельная болезнь мужа Прокла. Умирает муж, тот самый «раб», «несвободный», от которого «несво-

бодные дети», умирает имперская самодержавная Россия, государство, созданное Петром I, а может быть, еще и раннее (Иоанном IV). Автор отдает должное покойнику: «Уснул, потрудившийся в поте, лежит неподвижный, суровый (явные указания на образы Иоанна Грозного и Петра Великого), большие с мозолями руки, подъявшие много труда, красивое, чуждое муки лицо — и до рук борода...» В сцене плача по Проклу постоянно звучат слова с корнем «род»: «родные по Прокле завывли», «родителям был ты советник», «за что нас покинул, родной», «покушай, желанный, родной». После сцены плача по Проклу впервые автор произносит имя своего идеала, жены умершего Прокла — Дарья («сильная, побеждающая» — перс.). Далее мы узнаем, что, ее муж простыл в зимнюю пору, когда возил на санях товар, куда-то в отдаленное место. Больного долго лечили от простуды «домашними средствами», полужыцескими суеверными действиями: тут и ворожеи заклинали болезнь, и продевали три раза сквозь потный хомут, и окунали в прорубь и т. д. И лишь все это испытав, решили «испробовать средства иного»: пойти в отдаленный монастырь за чудотворной иконой, в которой «целебная сила была». 30 верст прошла Дарья до монастыря и 30 обратно до дома, но муж умер *сразу*, как только она пришла: «Пошла, воротилась с иконой — больной уж безгласен лежал, одетый как в гроб, причащенный, увидел жену, простонал и умер». Другая смерть ожидает по воле автора Дарью. Она замерзает в лесу, превратившись в ледяную статую: «Дарья стояла и стыла в своем заколдованном сне». Автор объясняет, чем хороша такая кончина: «Нет глубже, нет слаще покоя, какой посылает нам лес, нам слаще нигде не уснуть». Тут же в лесу, незадолго до такой кончины Дарья вспоминает свое посещение монастыря, когда она ходила за чудотворной иконой. Некрасов дает сцену этого посещения не по ходу действия, в своем месте, а в конце, там, где грядет скорая кончина Дарьи. Ему важно соотнести две эти кончины: монахини и Дарьи. Вот описание умершей схимницы: «Долго меня продержали — схимницу сестры в тот день погребли. Утренняя шла, тихо по церкви ходили монашины, в черны рясы наряжены, только покойница в белом была: спит молодая, спокойная, знает, что будет в раю. Поцаловала и я, недостойная, Белую ручку твою! В личико долго глядела я: всех ты моложе,

⁶⁵ Яркие свидетельства в пользу этого приводит в своих знаменитых письмах современник Некрасова А. Н. Энгельгард. — См. *Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887.* СПб., 1999. С. 24.

нарядней, милей, ты меж сестер, словно горлинка белая Промежду сизых, простых голубей. В ручках чернеются четки, писанный венчик на лобу, Черный покров на гробу — Эдак-то ангелы кротки! Молви, касатка моя, Богу святыми устами, чтоб не осталась я Горькой вдовой с сиротами! Гроб на руках до могилы снесли, с пеньем и плачем ее погребли». Обращаясь к монастырской сцене, Н. А. Некрасов предлагает читателю посмотреть на смерть крестьянки другими глазами, нежели она может показаться. Он словно говорит: «Она не просто замерзла в лесу, она умерла святой “схимнической” кончиной, она застыла в своей правде, в своем величии, она стала памятником, превратилась в нечто вечное, более великое, чем ее муж, чем схимница в монастыре».

Смерть Дарьи была естественной, *природной, а не человеческой, христианской*: ее не сопровождали в жизнь вечную ни святые Дары, как они сопровождали мужа, ни чудотворная икона, ее не отпевали так высоко и дружно, как монастырскую схимницу. Таким образом, автор рассматривает Русь, Родину, как явление не только сформировавшееся, но и завершившее свой жизненный путь. Ныне она является памятником Родине-Матери, памятником Руси, Святой Руси, славянству, женщине-крестьянке, русской женщине, русскому народу. Такова идеологема поэмы «Мороз, красный нос», написанной в 1864 г.

В отдельных стихах Н. А. Некрасова тема «Родины-России», «Родины-Матери» также встречается достаточно часто. С самых ранних стихов Некрасов начинает обыгрывать материнскую тему как нечто особое, коренное, сущностное, самое святое. В 1846 г. было написано стихотворение «Родина». Здесь звучат упреки «отцам», которые превратили Родину в место бесплодное и пустое своими пирами, чванством, развратом грязным, мелким тиранством, где мужчина-помещик учится «терпеть и ненавидеть», живет с растленной душой, где злоба и хандра. На фоне всех этих негативных явлений вырисовывается светлый образ «матери». Мать, отданная во власть «угрюмому невежде», жила в рабстве. Но душа ее продолжала быть «гордой, упорной, прекрасной». Автор называет мать «сестрой души моей» и говорит, что мать повторила судьбу своей матери. И далее описывает кончину матери: «лежала ты в гробу с такой холодною и строгою улыбкой, что дрогнул сам палач». Некрасов считает, что «отцовство», его духовное наследие «проклятьем на меня легло неотразимым, — всему начало здесь, в краю моем родимом». Край родимый сводится только к образу матери, к ее могиле, потому что даже природа здесь отравлена «отцов-

ством»: «И с отвращеньем кругом кидая взор, с отрадой вижу я, что срублен темный бор — и нива выжжена, и праздно дремлет стадо, и набок валится пустой и мрачный дом».

В написанном годом позже стихотворении «Поэт и гражданин» Некрасов от лица гражданина (а надо полагать, сам в одном лице и поэт и гражданин) декларирует: «Не может сын смотреть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к отчизне холоден душой» и далее: «иди в огонь за честь отчизны, за убежденья, за любовь». Гражданин призывает поэта «до крови» биться за честь отчизны. Но отчизна — это уже не «Россия», это — родина, которую угнетают отцы. Гражданин-Некрасов отвечает: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. А что такое гражданин? Отечества достойный сын». Кто же такой гражданин отечества? «Он, как свои, на теле носит все язвы родины своей», — вот он гражданский пафос и контекст понимания гражданского долга Некрасовым. За ним стоит почувствованная поэтом (и каждым настоящим гражданином, по мысли Некрасова) боль матери, русской женщины. В «Размышлениях у парадного подъезда» есть патетическое обращение к Родине: «Родная земля! Назови мне такую обитель, я такого угла не видал, где бы сеятель твой и хранитель, где бы русский мужик не стонал?».

В 1859 г. было написано небольшое стихотворение «Песня Ерёмушке». Колыбельная песня проезжего городского человека была полна самыми громкими программными заявлениями: «В нас под кровлею отеческой не запало ни одно жизни чистой человеческой плодотворное зерно». Поэтомому исполнитель предлагает дитяти обратиться к силе новой: «ты рожден природою — Братством, Равенством, Свободою». «Возлюби их! На служение... Будешь редкое явление, чудо родины своей». Тогда и родится вместо терпения другая сила: «Необузданную дикую к угнетателям вражду и доверенность великую к бескорыстному труду». Тогда можно будет грянуть на угнетателей родины «божьей грозой».

В 1860 г. в стихотворении «Первый шаг в Европу» автор обращается к иронии, и даже сатире, чтобы контрастнее обрисовать разницу «родины» и «отечества». На деньги внезапно умершего дяди («души, заложенные в опекунский совет») семья (муж и жена) едут развлекаться в Европу. Жена повторяет: «Жизнь для нас на родине скучна!». Но муж при прощании с «отчизной» плачет. Также здесь упоминаются «брега священной родины», когда миновали границу. И вот, находясь в Берлине, муж семейства вспоминает уже не родину, а отечество,

когда характеризует страстное поведение «дражайшей супруги»: «В отечестве она не знала им (страстям) узды». Жена ударила горничную в гостинице и в ответ также получила оплеуху. И сразу тот и другой оценили этот поступок горничной как «грубость, мрак и дичь», и захотелось уехать домой, «и тяжко я вздохнул о родине моей». Отечество выступает у писателя идеалом для его героев, но читателю ясно, что идеал этот понимается неправильно.

Понятие «родины-матери» как авторского определения мы встречаем у поэта в середине 1850-х годов. Например, в поэме «Саша» это определение рождается из нескольких образов: «словно как мать над сыновней могилой», «лес ли начнется — сосна да осина... Невесела ты, родная картина!», «Любо мне видеть знакомую ниву — Дам же я волю благому порыву и на родимую землю мою / Все налившие слезы пролью!» Автор вспомнит тут недобрым словом отца: «Спящих в могилах виновных теней не разбужу я враждою моей». И вот из этого всплеска эмоций светлых и темных рождается обращение: «Родина-мать! Я душою смирился, любящим сыном к тебе воротился». Автор сравнивает свое возвращение к родине-матери с евангельским возвращением блудного сына. Только вместо отца здесь встречает сына мать: «Мать не враждебна к блудному сыну». Отсюда, из своего родного гнезда поэт начинает оглядывать окрест себя, размышляя, о том, что вокруг происходит, откуда в стране появились праздные люди (Лев Алексеевич Агарин), «современные герои», изнемогающие под бременем собственной силы, говорящие, но ничего не делающие. Этот взгляд поэта со стороны родного угла во вне заставляет обратиться к высокому стилю: «Странное племя в нашем отечестве создало время! Это не бес, искуститель людской, это, увы, современный герой!».

В 1861 г. у поэта впервые появляется цельный образ «мать-отчизна»: «мать-отчизна! Дойду до могилы, не дождавись свободы твоей!» В тот же год в стихотворении «Свобода» Некрасов пишет: «Мать-родина! По равнинам твоим, я не езживал с чувством таким!» В другом стихотворении этих лет есть образ русской природы: «мать-природа! Иду к тебе я снова со всегдашним желаньем моим». Родина становится близка природному окоему. В стихотворении «Возвращение» (1864 г.) на слова «не ласков был мне родины привет» есть разъяснение: земля моя родная, вся под дождем рыдала без конца. В меня бросала холодные листья. И ветер мне гудел неумолимо: Зачем ты здесь, изнеженный поэт?» В программном стихотворении «Памяти Добролюбова»

(1864 г.) также звучит понятие «природа-мать». Здесь же такая емкая и характерная для мировоззрения самого Некрасова строчка: «Как женщину ты родину любил». Природа в стихотворении «Утро» (1872 г.) живет теми же проявлениями, что и страдающие матери: «Ты грустна, ты страдаешь душою: Верю — здесь не страдать мудро. С окружающей нас нищетою здесь природа сама заодно». В последние годы поэт обращается к родине нередко с упреком, как к человеку, женщине, с которой у него сердечные отношения: «Родина милая, Русь святая, просторная... сына лежащего, благослови, а не бей!» (1876 г.). «Камень в сердце русское бросая, Так о нас весь Запад говорит. Заступись, страна моя родная! Дай отпор!.. Но родина молчит...» (1877 г.) Одно из последних стихотворений «Подражание Шиллеру»: «О Русь! Ты несчастна... я знаю».

Святая Русь, как и просто Русь, с различными эпитетами: «родная», «безмятежная», «просторная» и т. д. у поэта имеет свое значение. Это не Русь святых и святости в церковном понимании, это Русь русского народа, Русь народная, Русь долготерпения, страдания. Ее святость в страданиях людей, в подневольном труде, горестях бытовой жизни. В «Веселой» песни, спетой сыном Трифона Григорием в поэме «Кому на Руси жить хорошо» есть рефрен «славно жить народу на Руси святой!» С сарказмом звучат эти строки после каждого куплета: «Разломило спину, А квашня не ждет! Баба Катерину вспомнила — ревет: В дворне больше году Дочка... нет родной! Славно жить народу на Руси святой». Поэт упрекает Церковь за такую святость, не случайно в поэме говорится, что «она (песня) по пьяным праздникам, как плясовая, пелася попами и дворовыми».

В поздних стихах кроме самого употребительного у Некрасова понятия «родина» появляется слово «страна»: «Вихорь злобы и бешенства носится над тобою, страна безответная» (1872 г.) В стихотворении «Уныние» звучит рефреном: «Прости меня, страна родная». В череду эпитетов входит и понятие «русский край» («Праздному юноше». 1876 г.)

Щемяще остро поэт передает образ молодой крестьянской матери, ярко рисуя трагизм ее женской доли («В полном разгаре страда деревенская». 1862 г.), которая только начала растить ребенка, а уже плачет горькими слезами от непосильных трудов полевых. Так же ярко написан образ жены и матери — старухи, «когда ей не спится». Ярko написан образ солдатской матери Орины («Орина, мать солдатская») в ее строгом, но страшном горе — потере сына, вернувшегося домой после

службы. Мать для Некрасова и страдальца и лицо, умудренное прозорливостью судеб своих детей: «она была исполнена печали... Ее уста задумчиво шептали: “Несчастные! Зачем родились вы?”» Автор называет свою героиню «мученица-мать» («Мать». 1868 г.). Сюда же можно отнести сюжет из стихотворения «Соловьи».

В философии Н. А. Некрасова родина — это народная Русь, исполненная невиданных страданий. Ради нее, как считает поэт, русский народ терпит все муки, какие ему выпадают. Не ради Бога, как было бы правильно думать, как естественно думал и сам народ, а ради своей родины, он терпелив и кроток. Отсюда и терпение и кротость у него не Божьи, не Христовы, а естественные, моральные и физические, что совершенно искажает реальную картину жизни. А если речь о Боге и заходит в этой связи, то скорее как об источнике выпадающих на народ испытаний: в стихотворении «Железная дорога» Некрасов пишет: «Да не робей за отчизну любезную, вынес достаточно русский народ, вынес и эту дорогу железную, вынесет все, что Господь ни пошлет!».

Наиболее масштабным по своей философской широте у Н. А. Некрасова является незаконченная, но объемная поэма «Кому на Руси жить хорошо». Крестьянская родина — Русь, Святая Русь рассматривается автором на фоне передвижения странников, своего рода каликов перехожих. В этом произведении Некрасов впервые говорит о перспективах Руси: «В минуты унынья, о родина-мать! Я мыслю вперед улетаю. Еще суждено тебе много страдать, Но ты не погибнешь, я знаю». «Была ты глубоко несчастной страной, подавленной, рабски бессудной». Поэт вновь, как и в поэме «Мороз, красный нос», для подчеркивания глубинных корней свободы и духовности русской женщины обращается к теме славянства: «Давно ли народ твой игрушкой служил позорным страстям господина? Потомок татар, как коня, выводил на рынок раба-славянина». «И русскую деву влекли на позор». Поэт говорит с оптимизмом: «Сбирается с силами русский народ и учится быть гражданином». К славянской теме примыкает и упование автора поэмы на судьбу как духовную разумную силу (в противовес православно-христианскому Промыслу Божию): «И ношу твою (родина. — О. К.) облегчила судьба, спутница дней славянина! Еще ты в семействе — раба, но мать уже вольного сына!» Под вольным сыном Некрасов, очевидно, подразумевает плеяду революционеров,

появившихся в России. Поэма завершается торжественной, «удалой песенкой», которая называется «Русь»: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и забытая, ты и всеильная, Матушка Русь!»

По слову Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасов был из той редкой череды писателей, которые приходят в мир со своим «новым словом». И дело здесь не только в крестьянской тематике, но и в той внутренней философии, которая четко объемлет все творчество этого поэта XIX столетия. Именно эта внутренняя логика определяла то, что создавало у читателей ощущение целого образа. В числе самых значительных образов находится образ родины. Известный исследователь творчества поэта К. И. Чуковский, считал, что Некрасову присущи три главные темы: «народ, мать и Белинский»⁶⁶. Именно эти три темы Некрасов и свел воедино в теме «родина»: народ как социальное начало («простой народ»), мать как этнический признак и Белинский как идеальный гражданин.

Это была колоссальная работа по возведению словесного памятника Матери-Родине, выполненной не скульптором еще и не художником, а мастером слова. Обращаясь к текстам поэта, написанным в разное время, мы показали, что эта конструкция создавалась постепенно в течение долгого времени. Многочисленные конкретные образы русской женщины (молодой или пожилой), (рисуемых ее в конкретике горестной судьбы, когда они не могут ничего сделать для своих детей), которые соотносятся с состоянием природы, животного мира (образ заезженной лошади), после чего образ судьбы и природы суммируются емкими и святыми для простого русского человека понятиями, такими как «Русь», «Святая Русь», «русская сторона», «русский край» и, соответственно, родина, родина-мать, отчизна. Параллельно идет формирование образа простого народа, простой, бедной, убитой горем женщины. И здесь также рядом с плачем человека рыдает и томится природа, воет зверь, бушует стихия и, таким образом, горе конкретной матери расширяется до космических пределов. Томится и мучится родина. Гражданское начало прописывается в постоянном подчеркивании бесправия: мужа над женой, помещика над крестьянином, чиновника над бедняком, царя над подданным, Бога над человеком. Так Некрасов заканчивает свою тему бесправия: *Гляди стоят три дольщика: Бог, царь и господин...*» («Кому на Руси жить хорошо»).

⁶⁶ Чуковский К. Некрасов как художник. Пб., 1922. С. 32.

При этом в социальном, этническом и гражданском центре всего у Некрасова стоит женщина. Она главный человек, истинно русское лицо, которое более всего страдает и более всего достойно сочувствия. Известно, что возвеличивание русской женщины у Некрасова доходило до обоготворения, в том числе и символического общения до понятия «родины-матери».

Начнем с того, что поэт буквально боготворил свою мать, считал ее мученицей, святой. В. Е. Евгеньев-Максимов пишет, что Некрасов думал так всю жизнь. В 24 года он изливал свои чувства о матери Ф. М. Достоевскому и тот отметил, что Некрасов раскрылся перед ним «самой существенной и самой затаенной стороной своего духа» (Дневник писателя. 1877. № 12). И уже умирающий поэт обращает свое проникновенное слово, в разговоре с близким другом П. Гайдебуровым, к памяти матери⁶⁷. К. Чуковский отмечал, что во многом образ реальной матери не совпадал с литературным⁶⁸, но Некрасов словно и не замечал этого. В моменты нередкой хандры, поэт приходил в страшное уныние, но одновременно и волнение. «Его хандра доходила порой до восторга», и он рыдал о замученной матери, хотя жизненных оснований для этого не было⁶⁹. В последние годы Некрасов пишет поэму «Мать», где история конкретной его «родины-матери» раскрывается с необычайным трагизмом и обобщением образа матери.

Несчастлива я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина, раба?
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
моя судьба — завидная судьба!
Несчастлива ты, о родина! Я знаю
(имеется в виду Польша. — О. К.)
Весь край в крови, весь заревом объят...
Но край, где я люблю и умираю
Несчастнее, несчастнее стократ!
(это о России. — О. К.)

Поэт благодарит мать за то, что «во мне спасла живую душу ты». «Но будешь жить ты в памяти людской, пока в ней жить моя способна лира».

В стихах 1877 г. все время звучит тема «матери»: «Мы любим сестру и жену и отца, но в муках мы мать вспоминаем»; «Так запой, о поэт, чтобы всем матерям на Руси, на святой, по глухим

деревням Было слышно, что враг сокрушен, положен (о турках на войне. — О. К.). А твой сын невредим, и победа за ним, не велит унывать, посылает поклон».

Биографы поэта отмечают особую эмоциональную чувственность поэта. К. Чуковский так обозначил это свойство Некрасова: «Этот страстный к страданию человек видел слезы страдания там, где их не видел никто». Например, когда он ехал по железной дороге, ему казалось, что она построена на костях людей, и он передавал это чувство в стихах. Однажды ему померещилось, что будто пыль на всех тысячеверстных деревенских дорогах так прибита женскими слезами, что ее не поднять, и это у него не аллегория. И он написал строчку⁷⁰.

Прибитая к земле слезами рекрутских
жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами над бедной
родиной моей.

Хотя в лексике Некрасова много православных понятий и обращений, его деревня как будто бы дышит православием, но как только начинаешь приглядываться, то видишь, что православия здесь нет, что здесь правит не Промысел Божий, а языческая судьба, а эталоном духовности и чувства свободы являются не христианские нормы и критерии, а абстрактное литературное славянство. Поэт не борется открыто с образом Богородицы, которая для народа является олицетворением Небесной Матери (это было бы слишком явно идти против православного народа), но это отрицание начинается уже с того, что Некрасов фактически отвергает позитив «официального» понятия «отечество». Строя обобщенный образ Матери, поэт рисует многие образы русских женщин «славянского духа и типа», которые читательскому воображению легко соединить в один образ страдающей женщины — матери. Нигде в тексте не проводится аналогии этих страдалец с Божьей Матерью, напротив, они как бы призваны дать читателю новый портрет идеальной матери. Каждая страдающая русская женщина-мать — это в своем роде образ некрасовской «Святой Руси» и в территориальном, и в социальном смысле. Родина-мать, таким образом, соединяла в себе несоединимое — конкретного человека (а не просто сообщество женщин

⁶⁷ Евгеньев В. Николай Алексеевич Некрасов: Сб. статей и материалов. М., 1914. С. 18.

⁶⁸ Так Некрасов, по каким-то внутренним причинам, не навещал смертельно больную мать, не принимал участие в ее похоронах и навещил ее могилу только через год после ее кончины.

⁶⁹ Чуковский К. Некрасов как художник. Пб., 1922. С. 31.

⁷⁰ Там же. С. 26.

матерей) с землей, которая чутко реагировала на его настроение. Механизм создания обобщенного образа матери таков, что читателю делается ясно, что речь идет о литературном памятнике матери-родине. Литературная статуя особенно ярко выписана в знаменитой поэме «Мороз Красный нос».

К идеальным образам Некрасов также относит свою *музу*. Она почти синоним понятия «родина» из-за своей чрезвычайной близости его страдающим героям. Вот что пишет поэт о своей вдохновительнице в предсмертные дни: «Недуг меня одолел, но Муза явилась ко мне беззубой дряхлой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она чаще всего являлась мне и в каком обрисована в поэме моей «Мороз, Красный нос»⁷¹. Образ музы вырисовывается как образ, который посылает родина, чтобы вдохновлять поэта. В стихах того же времени (1877 г.) звучит:

О Муза! Я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную в крови,
Кнутом иссеченную музу.

Н. А. Некрасов часто обращается в своем творчестве к этничности, нередко говорит о русскости народа и совершенно очевидно, что для него это важный литературный прием, позволяющий с большей силой укоренить народный элемент, который он описывает. О русскости поэт начинает говорить с 1861 г., очевидно, что на это повлияли события, связанные с манифестом об освобождении зависимых крестьян от крепостного права. «Русская земля», «русские люди», — звучит в стихотворении «На смерть Шевченко». В стихотворении «Крестьянские дети»: «мальчик живой, настоящий, и дровни, и хворост, и пегонький конь, и снег, до окошек деревни лежащий, и зимнего солнца холодный огонь — всё, всё настоящее русское было, с клеймом нелюдимою, мертвящей зимы, что русской душе так мучительно мило, что русские мысли вселяет в умы, те честные мыли, которым нет воли, нет смерти, в которых так много и злобы и боли, в которых так много любви!» В 1862 г. написаны классические стих и о женской доле — рус-

ской доле: Доля ты! — русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать. Всевыносящего русско-го племени, многострадальная мать!» «Русская песня не врет» о дороге, проторенной цепями каторжников; «за отчизну любезную вынес достаточно русский народ» (1864 г.). «Плачь русская земля», — обращается поэт к России в стихотворении «Памяти Добролюбова». «В глухие темные селенья, где изнывает русский ум» (1865 г.), «русский гений издавна венчает тех, которые мало живут». В 1867 г. были написаны цикл стихов «Стихотворения, посвященные русским детям».

При том, что даже в конкретике быта поэт рисует некую идеальную и как будто объективную (но только с точки зрения поэта-революционера) картину: крестьянство показано в бедности, тяготах, горе, рабском состоянии, унынии и угнетенном духе. Однако столь односторонний и нарочито ошибочный взгляд на народ легко опровергнуть, обращаясь к самым разным источникам, в том числе и научной литературе. Но писатель не видит ни полутонов, ни ярких красок в крестьянской жизни. Если где-то в стихах и проглядывает народная удаль и красота, то сквозь гримасы горя и страданий или в отдельной социальной группе «удалых купцов».

Подведем итог сделанному Н. А. Некрасовым в области этнического мифотворчества. Хотя понятие «родины» появляется до него в значении «православного Отечества» (первая половина XIX в.), но Некрасов активно мифологизирует этот образ и через десакрализацию образа Богородицы создает новое понятие «Родины Матери», имеющее этническую окраску. Поэзия одного образа, одной мысли, одного мифа словно призвана была бить в одну точку, и в силу ее глубоко эмоционального характера она производила на слушателей, жаждущих «настоящей правды о народе», ошеломляющее воздействие, за что ее и ценили революционеры. «В эти годы (т. е. первого знакомства с Некрасовым) я был мало развитым, — писал один из таковых слушателей, — много не понимал, слово, например, “гражданин” было мне совершенно незнакомо. По прочтении же Некрасова (т. е. при основном знакомстве с его творчеством. — О. К.) сразу как-то прозрел, я стал вдумчивее относиться к окружающей меня жизни, я загорелся злобой к сытым, довольным собой»⁷². Пока крестьяне слушали одно-два стихотворения

⁷¹ Литературное наследство. Т. 49–50. С. 167.

⁷² *Евгеньев-Максимов В.Е.* Николай Алексеевич Некрасов: Сб. ст. и материалов. М., 1914. С. 280.

поэта, где описывались горести крестьянской жизни, они действительно загорались сочувствием к стихам, но как только была возможность почитать всего Некрасова, то происходило другое: начинали «загораться злобой».

Как поэт-революционер, Н. А. Некрасов подчинил свой большой поэтический талант делу «просвещения» народа, чтобы народ «проснулся», «загорелся злобой» и сбросил государственные, церковные и социальные оковы. «Святая Русь» поэта является литературным, вымышленным образом, не имеющим отношения к действительному этническому первообразу у русских, и потому путь к этой некрасовской Руси лежит не через религиозный подвиг, а через народный бунт, через пугачевщину. Некрасов отвергал позитивность церковной жизни для народа, отчего его православие «без попов да без чинов», т. е. без духовенства и без Церкви, оно «народное». Закваска у некрасовской веры — страдания, но без Бога, Христа⁷³. Отсюда и выросла искаженная картина: бесконечное горе не уравновешено радостью; в святых ходят лишь страдальцы-бедняки, о святых церковных подвижниках и речи нет; будущее светло лишь в лозунгах, что придет день, когда богатые исчезнут, а бедные возрадуются. В эти же годы существовала и другая «крестьянская поэзия»; например, И. С. Никитин, хотя и не был чужд горьких размышлений о народе, но делал это без революционного запала. Для него также родина является и Русью, и матерью, и державой: *«Это ты, моя Русь державная, моя родина православная, Уж и есть за что, Русь могучая, полюбить тебя, назвать матерью»* (1851 г.).

Н. А. Некрасов в своем творчестве впервые в русской литературе создает *фундаментальный миф* о русском народе и русской женщине. В некрасовский поэтический образ вместились своего рода словесная икона, которой должны были поклоняться все те, кому дорога была идея правды, в революционном и интеллигентском (сублимированном, очищенном от жизненного реализма) ее понимании. Таким образом, в этническое пространственное бытие вводятся иллюзорные и совершенно не христианские границы, которые сводятся к понятию «Родины-Матери».

«Родина-Мать» свята своим страданием, но страданием не ради Христа, а ради нее самой. За эту ее особенность Некрасов называет ее «Святой Русью». Страдание ради себя самой и обозначение этого страдания как образа Святой Руси и позволяет Некрасову вывести образ матери на мифологический уровень. Квазирелигиозный характер этой конструкции сделали ее привлекательной не только для интеллектуалов, но и для широкого круга людей, болеющих за судьбу России. Некрасов так искренне зовет «верить» его Руси и в его Русь, что ему начинали верить очень многие из числа духовно дезориентированного общества. Так литературное слово сыграло свою роковую роль: борьба за возвращение русской этничности ее достойного места была переведена западниками в революционную плоскость и подчинена делу освобождения народа от политического (самодержавного), социального, экономического и культурного. Ни один политический трактат и манифест не смог бы так мифологизировать действительность, как это сделал поэт. Он словно сотворил новый мир России, новую Россию, которую отныне следовало «отмаливать», глядя на некрасовский «иконописный» образ. Но эта «молитва» рождала в сердцах поклонников поэта не умиление, а злобу и протест!

Некрасовская «Русь» оказалась необыкновенно востребованной в революционной среде и в революционной России после 1917 г. Вскоре после кончины Н. А. Некрасова его сестрой готовится собрание сочинений. Затем, после ее смерти, начинают выходить год за годом собрания сочинений. Таких изданий большими тиражами было до революции 13⁷⁴. И хотя это были купированные цензурой произведения, но все основные вещи поэта присутствовали там без изменений. В предреволюционные годы о Некрасове издается масса критической литературоведческой литературы. В дни 20-летнего юбилея со дня кончины, в 1902 г. широко отмеченного по всей России, его возводят в классики, равные Пушкину. Против этого выступали Л. Н. Толстой и еще раньше И. А. Тургенев, не считавшие Некрасова крупной литературной величиной⁷⁵. Сразу после революции, в годы Гражданской войны, в 1918 г.

⁷³ Справедливости ради отметим, что в одном из предсмертных стихотворений-набросков у Некрасова нарисован и образ женщины-христианки, избирающей монашество как жизненный путь: «Я сбросила мертвящие оковы, / Друзей, семьи, родного очага / Ушла туда, где чтут пути Христовы / Где стерегут оплошного врага». («Отрывок». 1877 г.)

⁷⁴ Чуковский К. От редактора // Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова. Ред. и прим. Корнея Чуковского; Критический очерк И. Кубикова. М.: Л., 1927. С. VI.

⁷⁵ Евгений В. Николай Алексеевич Некрасов: Сб. ст. и материалов. М., 1914. С. 262.

Народный комиссариат просвещения, возглавляемый А. В. Луначарским⁷⁶, при поддержке В. И. Ленина как большого почитателя Некрасова, постановил напечатать полное собрание стихов Н. А. Некрасова без пропусков и купюр. Эту работу Луначарский поручил К. Чуковскому. Первое послереволюционное собрание стихов поэта вышло в 1920 г., но, как считал сам ответственный редактор, оно было неудачным. Более подготовленное и полное издание, с подробным справочным аппаратом, вышло под редакцией К. Чуковского в 1927 г. К. Чуковский в предисловии писал: «изучение Некрасова вышло из узкого круга специалистов и стало делом тех широких масс, к которым обращены произведения этого автора»⁷⁷. Однотомное собрание было издано тиражом 10 тыс. экземпляров. К этому времени К. Чуковским выпущено несколько исследований о поэте, имевших цель нарисовать читателю «неприукрашенный облик» Некрасова. В них поэт предстает в крайне нравственно непривлекательном виде. Чуковский же пишет: зачем нам что-то замалчивать, делать из Некрасова святого, — напротив, «обыкновенным», грешащим человеком он будет нам еще дороже, ведь главное не то, как он жил, а как боролся за народ. Этим идеал «святого» народолюбца Некрасова не развенчивался, а, с точки зрения Чуковского (да и в целом лениных-луначарских), доводился до совершенства, поскольку был противоположен христианскому идеалу. Невероятный спрос на поэзию Некрасова заставил издателей повторить еще десять раз издание 1927 г. Однотомник выходил в 1928 г. два раза, в 1929, 1930, 1931, 1934 (два раза), 1935, 1937 годах. Второе и третье издание были по 10 тыс., пятое — 51–71 тыс., затем пошли тиражи по 15 300. Кроме того, в эти же годы выходили и обычные издания. Например, в 1938 г. вышло два разных издания по 20 и 25 тыс. экземпляров.

В предвоенные годы советский житель, вместе с грамотой, в советских школах получал и «прививку» некрасовского творчества. Понятие «родины», как макротерритории, как территории страдания и скорби, нуждающейся в защите, как «родине-матери», все дающей и все требующей взамен, стало повсеместно распространяться

как часть советской идеологии. Характерно, что такой известный некрасовед, как В. Е. Евгеньев-Максимов, в своей книге о Некрасове 1945 г., связывает победу в Великой отечественной войне и с заслугами Некрасова. Стихи Некрасова были на одном из известных военных плакатов «Мать, провожающая сына на фронт». В начале книги Евгеньев-Максимов приводит обязательную по канонам времени цитату из книги И. В. Сталина: «Только народ бессмертен, остальное преходяще»⁷⁸.

Образ некрасовской родины-матери очень полюбился русским революционерам, в том числе и большевикам. Для В. И. Ленина Некрасов был одним из любимых поэтов именно из-за столь страстно воспетого образа матери, а также из-за непревзойденного описания народного горя. Несомненно, что такой яркий глашатай революции, как М. Горький, когда писал свое программное для русского пролетариата произведение «Мать», то опирался на художественные идеи Некрасова.

Образ Родины в церковной и государственной мысли предреволюционного времени

Две войны, которые Россия вела на своей территории, а также общая ситуация в общественной жизни России, понуждала как государство, так и Православную Церковь постоянно корректировать свою позицию по вопросу о возвращении русской этничности должного места в государственных и церковных программах. Но речь шла не о том, чтобы «отечеству» надо вернуть искомый этнический компонент, а скорее признать право широкого толкования понятия «Родины». Мы приведем несколько примеров, взятых из разных сфер церковной и государственной жизни, но во всех уже, как можно заметить, присутствует искомое «родина», как макропонятие.

Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой (1904–1905 гг.)⁷⁹ содержит весь набор тех понятий, которые уже проникли в консервативную дворянскую военную среду «слу-жителей царю и отечеству». В самых первых письмах юного князя Александра Щербатова,

⁷⁶ Луначарский восхищался Некрасовым, известна его фраза: «Достаточно только вспомнить взлет народной фантастики в повелении воеводы Мороза в великой изумительной поэме Некрасова этого имени. Какая удаль, какая ширь, какой демонизм». — Луначарский А. В. Собр. Соч. Т. 1. М., 1963. С. 218.

⁷⁷ Чуковский К. От редактора // Полн. собрание стихотворений Н. А. Некрасова / Ред. и прим. Корнея Чуковского; Критический очерк И. Кубикова. М.: Л., 1927. С. X.

⁷⁸ Евгеньев-Максимов В. Е. Великий русский народ в поэзии Н. А. Некрасова. Л., 1945. Изд. Ленинградского ун-та. С. 3.

⁷⁹ О войне, любви и вере. Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой. 1904–1905 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. — 544 с.

когда он еще не воевал, а находился в тылу, звучат слова: «честь и счастье русского народа и всего славянского племени» (30 января 1904 г.); «вера и Родина» (много раз), «Великая Русь» (от 30 января 1904 г.); «Русь» (от 31 янв. 1904 г.); «Россия», «Отечество» (2 раза) (от 2 февраля 1904 г.); «долг перед Отечеством» (2 раза), «польза Родине», «Святая Русь (3 раза) встрепетнулась» (2 февраля вечер); «испытание России», «жертва для Отечества» (3 февр. 1904 г.); «за веру Христову и Отечество» (3 раза) (9 февр.); «не посрамили земли Русской» (11 февр.); «вера в Русь» (15 марта). Начало участия в боевых действиях было на крейсере «Россия». Здесь патриотических формул в письмах князя становится меньше, но не исчезает сам патриотизм в рассказах о боевых действиях: «на пользу Отечества» (12 апреля); «что может быть святее защиты Отечества» (13 июня); «мой долг, наш вообще долг — воевать, отстаивать нашу Родину» (20 августа); «перед Богом и Отечеством» (1 января 1905 г.); «сила наша в народе, спасение Руси» (21 марта 1905 г.); князь возмущается, когда невеста пишет, что ей современная Россия отвратительна, поэтому она называет ее «обителью подлости» (19 июля).

В переписке князя Щербатова, юного мичмана, представлен весь славянофильский набор русских патриотических понятий: «отчество», «Родина» (в значении места, где находится Русская земля, где Россия, где живет русский народ), Русь (или Святая Русь), в значении православного народа. Поначалу князь сосредоточен на народной стороне понятия (Русь, Родина, народ), но по мере смыслового втягивания в реальности военного времени самым употребительным понятием становится слово «отчество». Оно как бы заменяет все остальные, и потому оно емкое по содержанию.

В дневнике полкового священника о. Митрофана Сребрянского в самом начале (еще до описания военных событий) звучит тема родины: «Больно в сердце отозвался призыв бросить все и всех и идти в путь далекий на войну!.. Да если бы не крепкая вера в святые принципы: “Вера, царь и дорогая Родина”, то трудно было бы справиться с собою»; «прижал к груди своей жену и родных», с русскими едет на войну черноморец «постоять за

искренне любимую им Русь-матушку». В другом месте говорится о русских солдатах: «постоять за Русь-матушку и за царя-батюшку»⁸⁰. Как видим, о. Митрофан вполне традиционалист, но в то же время он уже усвоил и легальность и благозвучность понятия «родина».

У свт. Николая Японского в Дневниках в период войны Японии с Россией, когда сам он пребывал в Японии и даже благословлял своих прихожан-японцев воевать за свое отечество земное, два понятия «родина» и «отчество»⁸¹. Митр. Московский Макарий (Невский) писал в 1905 г. после войны с японцами в ст. «За что мы наказываемся»: «Нам нужно объединиться около матери нашей — святой Церкви, около матери нашей — Земли Русской...»⁸².

Приведем еще один характерный для этого времени патриотический взгляд на происходящее. Речь идет о письме, направленном в суворинское «Новое время» корреспондентом, волнуемым о судьбе Отечества в период войны России с Японией. Он пишет: «Молчаливая Русь сказала всему свету, что она живет единою жизнью и готова постоять за свое имя, жертвуя на святое дело и деньгами, и трудами, и кровью»⁸³. Для автора письма Русь есть именно Святая Русь («святое дело»), и ее полнота в ее единстве («единою жизнью»). И третья характеристика современной автору Руси: кроме того, что она не едина, не полна — она молчалива. Далее автор письма так характеризует свое время: «Благороднейшие умы почти с отчаянием смотрят в невеселое будущее, ожидая и физического и нравственного вырождения Руси». В понимании слова «Отечества» автор тоже традиционен: «“Отечество” осталось, как и встарь, “крылатым” словом, окрыляющим людей на подвиги и жертвы; Отечество по-прежнему — “алтарь”, служение которому выводит человека из засасывающей его тины повседневного эгоизма». В обращении вспоминается и третье искомое для Древней Руси понятие — «Русская земля»: «Жив Бог Земли Русской и жива душа народная». П. Никольский — автор статьи о столетнем юбилее А. С. Хомякова не случайно обращается в начале статьи к письму в «Новое время», ведь там звучат славянофильские идеи. В связи с этим П. Никольский отмечает, что «до сих пор

⁸⁰ О войне, любви и вере. Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой. 1904—1905 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. — 544 с.

⁸¹ Николай Японский (Касаткин). Дневники. М., 2007. С. 437.

⁸² Заступничество Богородицы за русских воинов в Великую войну 1914 года. Августовская икона Божией Матери. М.: Ковчег, 2010. С. 191.

⁸³ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 376.

славянофильские писатели были какими-то пасынками русского общества, ими мало интересовались, как бы не доверяя глубине их любви к родине, часто даже смешивая ее с дешевым, т. н. квасным патриотизмом»⁸⁴. Особенно автор статьи сетует, что русское духовенство забыло о славянофилах. Но события войны с Японией, а также столетний юбилей А. С. Хомякова вызвали в обществе интерес к ним. В свет вышло восьмитомное собрание сочинений А. С. Хомякова, составляется его жизнеописание, на очереди издание трудов других славянофилов.

В Послании Св. Синода по случаю войны 1914 г. говорится: «Всемогушему Богу, в неисповедимых судьбах Его, угодно было ниспослать Отечеству нашему новую годину тяжкого испытания; народ русский; за славу нашего Царя, за честь и величие Родины; в великий час, наставший для нашей Родины, какие потребует от нас защита веры и Родины»⁸⁵. В царском манифесте к народу в дни объявления войны выделены понятия «Россия», «Русская Земля», «Святая Русь»⁸⁶. В проповеди епископа Дмитровского Трифона (Туркестанова) 5 августа 1914 г. в Успенском Кремлевском соборе в присутствии Николая II звучит: «За честь и славу нашей Родины, обогрелой и искупленной кровью отцов наших»⁸⁷. В 1917 г. епископ Пермский Андронник (Никольский) в первые дни после февральского переворота сказал проповедь в соборе Перми: «Отечество в опасности»⁸⁸.

На открытке 1914 г., (автор С. Родионов), где мать одевает на сына крест и благословляет на фронт, есть наверху надпись «Иди за Родину», внизу стихи Н. Некрасова «Один я в мире подсмотрел святые искренние слезы — то слезы бедных матерей, им не забыть своих детей»⁸⁹. Эти же стихи были и на другой открытке 1915 г. На другом известном плакате 1914 г., где изображена мать, благословляющая сына на фронт (надпись на плакате «сын мой, иди и спасай Родину!»), ярко

«Сын мой иди и спасай Родину!»
1914 г. Плакат

зафиксирована реальность времени: вместо традиционного отеческого благословения сына фронт, что было характерно еще для периода войны 1812 г.⁹¹, благословляющим лицом, выступает мать.

Плакаты 1914–1915 годов в целом отражают непростую мировоззренческую картину, существовавшую тогда в русском обществе. На многих патриотических плакатах воюющая Россия изображена аллегорически, в виде воинственной Афины Паллады. Сюда же можно отнести аллегорический образ России в виде светской красавицы в кругу союзников, также молодых женщин — Англии и Франции. Но есть и плакат с фигурой «Москвы», нарисованной по образу сердобольной боярыни XVII в. (очевидно, близкой к образу Иулиании Осоргиной).

Также в этот период появляются иконографически новые образы Божьей Матери Августовской, что указывает еще на один взгляд на современные события. В тропаре Божьей Матери Августовской, написанном в 1915 г., звучит понятие «земля Русская», то же и в кондаке. В молитве благодарственной после битвы в солдатских молитвословах звучит: «защитника Отечества нашего»⁹², а в другой молитве — перед битвой

⁸⁴ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 378.

⁸⁵ Там же. С. 25.

⁸⁶ Там же. С. 15.

⁸⁷ Там же. С. 23.

⁸⁸ Там же. С. 192.

⁸⁹ Там же. С. 45.

⁹⁰ Там же. С. 77.

⁹¹ Существует известное изображение на эту тему.

⁹² Там же. С. 278.

Военные плакаты и открытки начала XX в.

есть слова: «Радостно иду я исполнить святую волю Твою и положить жизнь свою за Царя и отечество»⁹³. Один источник передает слова русского солдата-военнопленного, которого расстреливали немцы: «Я умираю за святую православную веру и за родную Русь»⁹⁴.

Итак, в начале XX столетия и непосредственно в предреволюционный период как в церковных и государственных документах манифестного характера, так в церковной и православно-патриотической публицистике стали появляться такие привычные для допетровской Руси территориально-этнические понятия, как «Отечество», «Святая Русь», «Русская Земля», что явно указывает на появившуюся оценку со стороны всех сил — и монархического государства в лице императора, и Церкви, и православной общественности — грядущей на страну опасности.

Последний император из династии Романовых св. мученик царь Николай II более других русских императоров тяготился разницей между имперскими — миссионерскими задачами и задачами чисто внутренними, касающимися укрепления русского народа. Он особенно нарочито и искренне старался проявлять свою русскость в традиционных формах: через многочисленные прославления святых, в том числе и личное участие в этих церковных торжествах; через особое внимание к простому человеку (солдату, казаку, матросу, священнику, купцу); через создание своей крепкой большой семьи; через сугубую церковность в личной жизни; тайную благотворительность и помощь; через активную поддержку традиционных и церковных начал в обществе. Вот почему именно в царском манифесте 1914 г. звучат слова «Земля Русская», «Святая Русь».

В то же время имел место и широкое распространение, судя по плакатам, и другой официальный взгляд на события, чисто западнический, в его «некрасовском» выражении.

Выскажем предположение, что вместе с появлением в русской, консервативной, православной среде славянофильских идей (а это было уже гораздо шире идейного поля славянофилов)

в начале XX в., появился и стал возрастать мощный идейный порыв к возвращению в этническое поле главных территориально-этнических понятий допетровской Руси — «Русской Земли», «Отечества» и «Святой Руси». Скорее всего, это было реакцией на то, что некрасовская идея «родины-матери» то же время стала активно «овладевать массами», окончательно вытесняя русское и православное начала на периферию общественной и политической жизни. Назревало уже не противостояние отдельных партий, отдельных лиц и идей, а размежевание всего общества, по самому существенному признаку.

Церковный Собор, проходивший в 1917–1918 гг., подвел свой итог в вопросе о русскости. В обращении членов Св. Синода от 29 апреля 1917 г. Церковь называется то Российской, то Русской. В отдельных обращениях появляется еще одно именование — «Всероссийская Православная Церковь»⁹⁵. В первые дни Собора понятие «родина» вообще не употреблялось, но говорилось об «отечестве». Церковные иерархи говорят, что мысль о необходимости Собора возникла в сердцах «русских людей», что «заветная мечта русских православных людей осуществляется»⁹⁶. В последующих документах все чаще начинает звучать понятие «родина». «Приступив к сему делу... в обновляющейся Родине, жаждущей благодатного мира и покоя... за землю Русскую»⁹⁷. В представлении Св. Синода Поместному Собору звучат слова «православно-русский мир», «русская церковная жизнь», «обстояния, переживаемые нашим Отечеством», «отовсюду раздаются голоса, что Родина гибнет», «народ разделился на партии, утратил единство», «дело оздоровления русской земли», «от Собора ожидается мощный призыв народа обратиться к Богу с упованием в ближайший воскресный день или три ближайших воскресенья для нарочитых молебствий ко Господу о спасении Отечества»⁹⁸. Министр исповеданий А.В. Карташев от лица Временного правительства приветствовал Собор, обращаясь во всех случаях «Русская Православная Церковь», а не Российская⁹⁹. Приветствуя Собор, митрополит Московский и Коломенский Тихон отмечал:

⁹³ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 275.

⁹⁴ Там же. С. 64.

⁹⁵ Там же. С. 28.

⁹⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. М., 1994. С. 1–5.

⁹⁷ Там же. С. 20.

⁹⁸ Там же. С. 35–37.

⁹⁹ Там же. С. 36.

«Москва и ее святыни в прошлые годы деятельно участвовали в созидании Русской Державы», «ныне Родина наша находится в разрухе и опасности», «многомиллионное население Русской земли», «Собор не останется безучастным к положению, которое переживает Родина», «обновится лице свято-русской земли»¹⁰⁰. Протопресвитер о. Григорий Щавельский также в приветственном слове прибегает к понятию «родина», он говорит «Родина Святая»¹⁰¹. Московский Городской Голова В. В. Руднев упоминает Москву как «мать городов русских», говорит о русском народе и родине в широком смысле. Во всех других приветствиях так же основным понятием является слово «родина», много говорится о русском народе, есть обращения к Святой Руси, русской земле, русскому духу. Термин «отечество» почти не употребляется. Собор обратился с воззванием к Армии и Флоту: «христолюбивые воины, защитники и Церкви, и Родины нашей». «Что принесло и грозит еще принести Отечеству и Церкви неисчислимые беды», «в сердце русского человека стал затуманиваться светлый образ Христов», «непроглядная тьма окутала русскую землю», «стала гибнуть могучая Святая Русь», «За ваше безумие Родина уже заплатила врагу» (о тех, кто поддался революционной агитации и стал разрушать армию. — О. К.), «лучшими сынами Родины», «Ведь и вы сыны Родины», «совесть русского человека», «неисчислимые раны нанесли вы Родине — матери своей», «на развалинах и пожарище Святой Руси», «гибелью Родины», «истерзанную, опозоренную, попираемую врагом Родину свою», «русским свободным гражданам», «Святой великой Руси», «трудиться для Родины святой», «любовь к Родине», «В вашем мужестве и подвигах Родина черпает веру», «Великая Россия у края гибели, Родина зовет вас, спасите ее!», «именем наших предков, строителей отечества», «спасет и помилует вас и всю Русь Святую»¹⁰². Было решено это воззвание напечатать в количестве 500 тыс. экземпляров и отослать в армию. Князь Е. Н. Трубецкой озвучил воззвание к народу. Здесь звучат следующие понятия: «православному народу русско-

му», «Родина остается беззащитною», «Родина гибнет», «не допустите Родину до поругания и до позорного конца», «рабочие, подчиняйте ваши требования благу Родины», «Земля русская», «Русь», «Святая Русь»¹⁰³. Это воззвание так же решено было напечатать числом 500 экз. и отправить для чтения в храмах. В тексте обращения Собора к Временному Правительству также вместо Отечества везде употребляется слово «Родина»: «Об угрожающей Родине братоубийственной войне», «о великой ответственности всех русских людей перед Богом и перед Родиной», «величие Русской Державы», «сила русского воина», «ради спасения Родины», «власть русского военачальника подорвана», «русское войско», «от руки своих же братьев-солдат погибло множество офицеров преданных долгу Родины», «Церковь не может оставаться равнодушною зрительницею распада и гибели Родины», «между любовью к Родине и обязанностью повиновения власти», «власть должна быть не партийной, а всенародной. А народно-русское может быть только власть, просветленная верою Христовою», «для спасения Родины», «русской государственной власти»¹⁰⁴.

На Соборе поднимался вопрос о месте Церкви в России. Был принят вариант, предложенный Пермским епископом Андронником: «Церковь... как величайшая святыня огромного большинства населения»¹⁰⁵. Вопрос о русском народе как численном большинстве периодически поднимался в той или иной форме. Предлагалось, чтобы Собор рекомендовал правительству, чтобы в России все первые лица государства были русского происхождения («православного исповедания русской национальности») ¹⁰⁶. Когда Временное правительство попыталось заключить сепаратный мир с Германией, то князь Е. Н. Трубецкой предложил Собору отреагировать. Князь подчеркнул, что «Священный Собор представляет из себя единственное законное представительство 100 миллионного православного Русского народа»¹⁰⁷. Участники Собора в своих речах чаще говорят «Русская Церковь», хотя официально она продолжала называться Российской. Даже

¹⁰⁰ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 33.

¹⁰¹ Там же. С. 36.

¹⁰² Там же. С. 98–101.

¹⁰³ Там же. С. 102–103.

¹⁰⁴ Там же. С. 160–161.

¹⁰⁵ Там же. Т. 4. С. 128.

¹⁰⁶ Там же. Т. 4. С. 133.

¹⁰⁷ Там же. С. 137.

в официальных обращениях это прослеживается. Соборяне обращаются 24 августа (6 сентября) 1918 г. к Совету народных комиссаров от лица Православной Русской Церкви и Патриарха. В документе также Церковь обозначена как Русская¹⁰⁸. Но, очевидно, по каким-то неозвученным соображениям, вопрос не был даже вынесен на обсуждение. Если учесть, что Собору пришлось работать в сложных политических условиях и не менее сложных церковных нестроениях (движения за автокефалию, набирающее силу обновленчество), то предпочтительнее было не делать неосторожных шагов. Вопрос о новом именовании Церкви разрешился в 1943 г.¹⁰⁹, когда русская тема стала для советского руководства опять актуальной.

Итак, за несколько десятилетий до революции 1917 г. в России, усилиями революционеров, в том числе художественно одаренных, таких как Н. А. Некрасов, создается миф об этническом пространстве — земле русского народа. Что нес с собой этот миф, и чем он принципиально отличался от средневековой русской пространственной концепции «русской земли»? Во-первых, само понятие «родины», после того как оно стало макропонятием, заменяющим концепт «русская земля — отечество — святая русь», принесло русским людям в целом новое этническое самочувствие. Исчезло этнически пространственное «мы», и вместо него появилась совокупность множеств «я». Этническое пространство стало восприниматься дискретно, уже не как сплошное единое пространство — «земля». После же того, как Некрасов «освятил» новое понимание Родины образом русской страдающей женщины, заменив образ Богородицы, и создал новый концепт в виде «родины-матери» (т. е. появился телесный образ), этнотерриториальному самочувствию русских была явлена еще более отстраненная от этничности пространственная модель. Дискретность каждого отдельного этнического «я» получала свое освящение уже не через Покров Божьей Матери, а через присутствие рядом «статуи» — каждой конкретной страдающей женщины и в целом — России — Родины-матери. В этом «мемориальном этническом пространстве» и предполагалось отныне жить русскому народу, что и было реализовано на практике в советской России. До какой-то поры только славянофилы теоретически отстаивали прежнее допетровское

понимание этнических пространственных границ русских в таких совокупных понятиях как «Русская Земля—Отечество—Святая Русь». Практическая реализация этого направления стала возможной в области созидания новых женских общежительных монастырей, как одного большого проекта Четвертого удела Богородицы. И все же это была далеко не вся Россия. Вполне возможно, что западники, как самостоятельное направление, защищающее русский народ, смогло столь радикально реализовать свои планы в творчестве Н. А. Некрасова именно потому, что славянофильство себя практически реализовало в женском православном подвижничестве и оформлении в образ Святой Руси — Четвертый Удел Богородицы. Западники же остро нуждались в практической реализации своих идей. Но западники, в отличие от славянофилов смогли предложить обществу только миф о русском народе и русской женщине, реализовать который могла только революция, потому что миф — это иллюзия, требующая участия разрушительных стихий. Важно отметить, что к началу XX в. и в официальных кругах государства и Церкви появились открытые симпатии к славянофильской деятельности, что было вызвано, скорее всего, все нарастающей радикализацией «некрасовского» направления. Поместный Собор констатировал, что Церковь уже готова была вернуться к допетровской этнической пространственной парадигме. К этому же тяготел и император Николай II, который был готов передать бразды правления сыну Алексею, а самому стать патриархом, как свидетельствует ряд источников. Но противоречие было уже неразрешимо по той причине, что западники уже сами подошли и подвели общество к крайней точке возможности практической реализации своих идей. В земном противостоянии Четвертого удела Божьей Матери и воинственных дружин революционеров, поднятых западниками на защиту «родины-матери», победа была обеспечена последним. В этом контексте объяснима и победа Красной Армии над Белой Армией, поскольку у первых за спиной была «родина-мать», а у вторых — нечто разное, не всегда сводимое к духовному идеалу.

Образ Родины-матери в годы Великой Отечественной войны 1941–1945

Предвоенный период советской России был временем активной идеологической обработ-

¹⁰⁸ Деяния Священного Собора... Т. 11. С. 115–118.

¹⁰⁹ Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917–1997. С. 294.

ки «советских людей», в том числе через такой важнейший для большевиков пространственно-этнический образ, как «советская родина». Миф о советской родине был близок и понятен миллионам простых людей именно из-за своей квазирелигиозной природы. Это была родина революции, от нее получившая свою меру святости и этнической силы, что сводилось к понятию «советская». Огромную роль в пропаганде мифа о советской родине играло словесное творчество: публицистика, художественная литература (в том числе многочисленные переиздания произведений Н. А. Некрасова) и кино. Далее обратимся к периоду Великой Отечественной войны, которая воочию выявила то, насколько крепок был этот идеологический большевистский миф и как он реализовывался в эти критические для советской власти годы.

В речи В. М. Молотова от 22 июня 1941 г. имеются два основных понятия, которыми чаще всего оперирует заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара иностранных дел. Там, где речь идет о Германии, раскрывается характер ее нападения, там употребляются понятия «наша страна» и «СССР» (или Советский Союз). Во второй части речи гражданам СССР объясняется, что значит для них эта война. В этом случае употребляется только одно понятие — «родина». Говорится, что борьба будет не с «немецким народом» («рабочими, крестьянами, интеллигенцией»), а с фашистским правительством Германии. Армия и Флот имеют долг перед родиной ее защищать. Также впервые говорится об отечественной войне, по аналогии с отечественной войной 1812 г. «Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу». Здесь впервые выстраивается искомый смысловой ряд: Отечественная война — родина — честь — свобода, как сумма все более раскрывающихся понятий. Самое общее понятие «отечество» (в данном случае «отечественная война за что-то») — это в более конкретном смысле «родина», еще более точно — «честь», и, наконец, самый точный и глубинный смысл — «свобода». Так государство раскрывало перед народом концепт того общего, что являлось на тот момент самым главным в понимании того целого, что необходимо было видеть, чувствовать и защищать. Ни одно другое понятие: ни

«Советский Союз» (СССР), ни советская страна не потребовали подобных символических операций. Они не могли быть раскрыты через какие-то высокие нравственные смыслы, поскольку имели только один политико-идеологический смысл. СССР, советская страна — все это территория большевистской власти, идеологии, и никакого отношения к этническому и нравственному аспекту бытия народа эти концепты не имеют отношения. Война это показала. Большевики побоялись в период войны выходить к народу с этими сугубо идеологическими концептами, резонно посчитав, что народа они не объединят. При этом надо отметить, что существительное «отечество» они изменили на прилагательное «отечественная» и фактически вытеснили его из указанного смыслового ряда¹¹⁰. Война отечественная, но точка отсчета смыслов начинается с понятия «родина».

Также следует заметить, что весь искомый внутренний смысл концепта «родина» раскрывается через нравственные критерии, о духовных, религиозных нет и намек. Честь — достаточно узкий и специфический термин, который в дореволюционном сословном обществе употреблялся в очень конкретных областях: честь дворянская, купеческая, крестьянская, честь девицы. Здесь же явно идет речь об абстрактной чести человеческой, как и свободе. Последний термин вообще имел в России узко социальный смысл: свобода от каких-то социальных пут (крепостного права, от необходимости военной службы и т. д.). Тот смысл, который был известен революционной интеллигенции, был привнесен с Запада, из революционной Франции, из далекой Америки. В речи Молотова речь идет о свободе от рабства фашистского порабощения, от нового и более тягостного крепостного права, и этот аспект был народу понятен.

В речи И. В. Сталина от 3 июля 1941 г. (первом его публичном выступлении) в самом начале появляется понятие «родина»: «Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину». Первый абзац, где перечисляются потери, опять итожится словами: «Над нашей родиной нависла серьезная опасность». Затем идет текст, где описывается характер развязанной Германией войны. Во всех этих случаях Сталин употребляет термин «СССР». Эти официальные выступления, конечно, не могли подробно раскрыть для народа

¹¹⁰ В отдельных случаях понятие «отечество» хотя и употреблялось, но в значении «родина», как его синоним, или же в узком смысле как «гражданское общество», государство.

существо нового ценностного мира, но эта работа была предоставлена художникам, писателям, поэтам, публицистам, советскому кинематографу.

Публицисты военного времени много сделали для того, чтобы полнее раскрыть содержание нового отношения партии и правительства к территории, которую необходимо было защищать советскому народу. Публицисты военного времени много сделали для того, чтобы полнее раскрыть содержание нового отношения партии и правительства к территории, которую необходимо было защищать советскому народу. Специально для пропагандистской работы стали издаваться тематические сборники статей из передовиц «Правды», «Известий». Эти брошюры выходили большими тиражами не только в Москве и Ленинграде, но и по всему Советскому Союзу: в Алма-Ате, Ташкенте, Омске, Красноярске, Тбилиси и т. д. Первые сборники были даже не подписаны именами авторов. Например, из передовицы «Правды» от 24 июня 1941 г. читатель выносил следующий круг понятий: «напали на нас; на нашу землю; целостность и независимость нашего отечества; великой стране; из пределов нашей священной родины; отечественную войну; на защиту нашей родины; нашей свободы, нашей отчизны; нашей родине уже приходилось сталкиваться с воинственным германизмом; за русские рубежи; за свою священную землю; за свободу, за честь и славу своего отечества; отечество требует своих граждан, чтобы они почувствовали ответственность за судьбу государства; повышенная бдительность всех граждан нашей родины; каждую пядь родной земли; честь и достоинство многонационального отечества»¹¹¹. В передовице «Правды» от 25 июня 1941 г. наряду с эмоциональным нарастанием темы «родины» уже просматривается цельная концепция того, что именно является родиной. Сначала автор говорит о родине следующими словами: «на государственных границах нашей родины; слава мужественным защитникам родины; священной земли; наша родина — великая страна; воин Красной армии — защити Родину, свободу и честь родного народа, жизнь и труд своей семьи; о защитниках родной земли». Далее он приводит слова матери героя Советского Союза Курочкина: «Сынок, бей врага еще сильнее». В комментарии автора статьи к словам матери читаем: «Так гово-

рит своим сынам красноармейцам, командирам, политработникам — вся советская мать родина». Вполне очевидно проводится ассоциация Родины-страны с конкретной родиной-матерью. Понятие «родина» получает не просто антропологический характер, но аккумулирует в себе сложную гамму абстрактного и конкретного смыслов. В этой же статье активнее звучит русская тема (из-за чего сразу нарастает этнический смысл понятия «родины»): «наша родина; земля русского народа; в отечественных войнах за независимость своей страны создавались боевые традиции русского народа; советский народ заботится о своей армии, как мать о любимом детище; всё для Родины; преданность Родине и родной Красной Армии; родные наши бесстрашные герои»¹¹². В передовице «Известий» от 26 июня слово «родина» относится к числу самых емких, горячих и употребляемых понятий: «советской земле; за честь, за свободу, за родину; жертвовать для родины всем; военное и экономическое могущество нашей родины; выполнять свой долг перед отечеством; “дать для армии столько нефти” — эти слова сейчас становятся боевым девизом каждого гражданина, каждой гражданки нашего отечества; злейшим врагам родины». Также в этой статье приводятся слова «простой женщины», ее обращение к воинам Красной Армии. Она просит «родных и любимых воинов» как родина-мать: «Вы идете защищать родину; наша родина сильна и могуча; преданность своей родине; родная партия, родное правительство; нашу отчизну; святая любовь к отечеству, великое имя Сталина владеют умами и сердцами миллионов людей; любовь к родине»¹¹³.

Стоит обратить внимание на употребление в двух случаях слова «отечество». Автор статьи обращается к этому понятию, как к синониму «родины», нарочито выделяя, однако, государственно-политический аспект слова «отечество». Субъект отечества — это гражданин, и он перед отечеством имеет долг защиты. И лишь в словах женщины «родины-матери» мы слышим старинное «святая любовь к отечеству». Но фраза эта присовокуплена к другой фразе «и великое имя Сталина», что подразумевает «отца отечества, отца народа», смысловой концепт, который пришел в эту эпоху из имперского времени России. Но там эпитеты «отец Оте-

¹¹¹ Дадим сокрушительный отпор фашистским варварам // Великая Отечественная война советского народа. Вып. 1. Ташкент, 1941.

¹¹² Красная армия — родное детище советского народа // Там же.

¹¹³ Самоотверженный труд советского народа // Там же.

чества» или же «мать Отечества» присваивались самым выдающимся российским императорам и императрицам. Таких было двое: Петр Великий и Екатерина Великая. Вполне возможно, что само название войны «отечественная» с самого начального этапа было не просто обращением к истории и желанием показать преемственность событий (хотя этот смысл, безусловно, присутствовал, и это подчеркивалось официально), но выделить мужскую ипостась «отечество» именно как особого, священного начала, связанного с именем Сталина.

Если абстрагироваться от конкретных смыслов, то можно заметить один простой факт: журналисты-пропагандисты видят Советский Союз в виде семьи. Не семьи народов, а именно обычной семьи, у которой случилась беда: на родину (женщину-мать) и отечество (отца) напали некие звери — собаки, гадюки или же люди-изверги — разбойники. Фашисты сравниваются с этими персонажами. И дело всех граждан — защитить родину и отечество. Но на первый план выходит не отечество, а именно родина. Она является, судя по публицистической активности, главным страдательным лицом. В передовице «Правды» от 28 июня 1941 г. звучит: «отечественная страна, война за родину, за ее честь и за ее свободу; родной земли, свою родину; родной Красной Армии; родному Флоту; дрались за родину, за ее честь и славу; мы ведем святую отечественную войну; требует теперь наша родина от каждого сына и дочери»¹¹⁴. Сыновья и дочери, братья и сестры, отцы и матери — эти слова постоянно употребляют публицисты, чтобы объяснить народу характер происходящего и высветить истинно народный смысл событий. Вот, например, в передовице «Правды» от 29 июня советский транспорт называется родным братом Красной Армии¹¹⁵.

Защита чести, достоинства и свободы родины (а значит женщины, родины-матери) становится неперенным призывом во всех этих статьях первого периода войны. После выступления Сталина эта тема также продолжает тиражироваться. В передовице «Правды» от 6 июля

1941 г. написано: на защиту своей любимой, прекрасной родины; защитить честь и свободу своей родины; война за свободу нашего отечества»¹¹⁶. В «Известиях» от того же 6 июля: «советский народ не отдаст отчизну на поругание; четверть века под советским солнцем (намек на рукотворность даже природных процессов); кто дышит советским воздухом; на защиту своей родины, своего достоинства и счастья; каждую пядь родной земли; отечественную освободительную войну». Тут же приводятся слова Дениса Давыдова «Огромна наша мать-Россия»¹¹⁷.

Официальная публицистика главных партийных газет довольно осторожно обращалась к теме русскости. Эти обращения были в июне 1941 г., потом исчезли и вновь появились на страницах «Правды» и «Известий» только к осени 1941 г. В этот период в партийной прессе мы встречаем такие фразы, как «могучий русский поток; русский советский боец получил от своего свободного отечества танки и самолеты; боевые традиции русского народа защищают нашу родину, нашу честь, нашу славу, нашу свободу»¹¹⁸.

Несколько иной свободой выражения патриотических чувств и иным вектором идеологического их выражения обладали в этот период писатели и поэты. Фронтовик поэт Николай Тихонов говорил в одном своем послевоенном докладе «Отечественная война и современная литература»: «В первые дни войны писатели не знали с чего начать, они только инстинктивно чувствовали, как ответственность писателя заставляет их искать главное: оружием слова своей патриотической публицистики отстаивать свободу, честь, независимость родины»¹¹⁹. Стихи Николая Тихонова, особенно строчки «Бесконечное русское поле, ходит ветер, поземкой пыля, это русское наше раздолье, это русская наша земля», пользовались популярностью у бойцов, их знали наизусть, переписывали¹²⁰. В очерке «В путь из Москвы» (опубликован 1 июля 1941 г.) драматург Вс. Вишневский писал: «Каждый должен сказать сам себе, наедине со своей совестью: “Я оберегу родину...” Имя русского, имя советского человека должно стать

¹¹⁴ Победу надо завоевать, победа будет за нами // Там же.

¹¹⁵ Святой долг советской патриотки // Там же.

¹¹⁶ Освободительная война народов против фашизма // Там же. Вып. 4.

¹¹⁷ Советский народ отстаивает каждую пядь родной земли // Там же. Вып. 4.

¹¹⁸ Там же. Вып. 5.

¹¹⁹ Отечественная война советского народа (1941–1945) и отображение борьбы против фашизма в художественной литературе: Сб. обзоров. М., 1985. С. 159.

¹²⁰ Кривицкий А. Разъезд Дубосекова // Военная публицистика и фронтовые очерки. М., 1966. С. 67.

всемирным именем победитель, спаситель, культуры, права и свободы»¹²¹.

Наиболее ярким и талантливым был на этом посту писатель А. Н. Толстой, который, как никто другой, глубоко и образно развил тему родины-матери в годы войны. Не отрицая того, что Толстой как военный публицист действовал и писал искренне, как патриот, отметим, что именно ему — публикатору в 1920-е годы лживого пасквиля (псевдодневника Вырубовой) на царскую семью (вместе с историком М. Покровским) — Сталин доверил писать «наиболее искренне и проникновенно». Как не вспомнить здесь Н. А. Некрасова, нравственный образ которого тщательно «обтачивался» в 1920-е годы в мастерской К. Чуковского именно с теми же самыми целями.

Именно у А. Н. Толстого звучит тема почвенности (родина — это земля, край, природа, весь ее совокупный, человеческий и природный мир), тема Руси как исторического истока русской силы. В 1942 г. он публикует любопытный очерк, который потом уже не перепечатывался отдельной книгой, — «Откуда пошла русская земля». Сначала очерк публиковался в 4-х номерах «Известий» за 1942 г. и лишь потом вышел отдельной книгой. Толстой разбирает германские мифы о славянах, пишет о действительной — самобытной и высокой — культуре славян, традициях, исторических победах, этнических характеристиках. Родина здесь описывается именно как историческая русская земля, корни которой в славянстве, а характер народа выкован как природными, так и политическими условиями. Ряд публицистических очерков писателя вполне традиционен для писателей военных лет, в них описываются конкретные военные случаи, а после им дается оценка. Но среди наследия писателя есть несколько, условно говоря, теоретических публицистических работ, где темы народа, этноса, земли, патриотизма раскрываются как общие размышления писателя. Например, в статье «Что мы защищаем» (27 июня 1941 г.) отзывается о войне еще в духе выступления Молотова: «Дать нашей родине мир, покой, вечную свободу, изобилие, всю возможность дальнейшего развития по пути высшей челове-

ской свободы...» Эту задачу он ставит перед русскими: «Такая благородная задача должна быть выполнена нами, русскими, и всеми братскими народами нашего Союза». В статье Толстой пользуется термином «земля русская». Также здесь упоминается «отечество», равноценное «родине» понятие. Любопытно отметить, что Толстой называет Гражданскую войну 1918–1920 гг. отечественной войной, очевидно, приравнивая Белое движение целиком к союзникам интервентов, а Красную Армию связывая с защитником отечества. В конце статьи речитативом звучит: «Это моя родина, земля, мое отечество — и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе»¹²². В данном обращении Толстой напрямую «лицом к лицу» говорит родине, земле и отечеству о своей любви как живому существу. О великой исторической миссии русских, русского народа в этой войне Толстой пишет в очерке «Армия героев» (9 июля 1941 г.): «Русский станет именем, которое дети с колыбели привыкнут благословлять, как избавителя от удушающего смертельного кошмара фашизма»¹²³.

Призыв к этничности, благодарность этничности, и именно русским, русскому народу, отличает самые крупные публицистические статьи А. Н. Толстого военного периода. Очерк «Русская сила» (25 августа 1943 г.) пронизывают следующие этнические образы, относящиеся к русским: «мощь и упорство русской армии; искусство русской армии; грохот русской артиллерии; маневр стал русским военным искусством; в основе всего этого лежат русский талант, русская отвага и разбуженная русская ярость. Горд и храбр русский человек. Слава ему»¹²⁴. В ряде статей писатель возвращается и к советским характеристикам, но и здесь понятие «советский» более близко к этнической характеристике, чем к общественно-политической. «Вооруженные народы Советского Союза, во главе с народом русским...», — пишет Толстой в очерке «За советскую родину» (23 февраля 1942 г.). И здесь же: «Психология советского человека (см. человека многонационального. — О. К.) изменила весь ход мировой войны. Мы все клянемся не осквернить святости нашей родины»¹²⁵.

¹²¹ Вишневский В. В. В путь из Москвы // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2-х т. М., 1984. С. 25.

¹²² Толстой А. Н. Что мы защищаем? // Военная публицистика и военные очерки. М., 1966. С. 11–15.

¹²³ Толстой А. Н. Армия героев // Толстой А. Н. Родина: Сб. статей. М., 1942. С. 24.

¹²⁴ Толстой А. Н. Русская сила // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 98.

¹²⁵ Толстой А. Н. За советскую родину // Там же. С. 67.

Публицистику Алексея Николаевича Толстого отличали яркая образность, большой эмоциональный накал (именно большей частью за счет привлечения этнического компонента), художественная красота текста. «Пусть трус и малодушный, кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины — нашей Москвы — гибнет без славы...», — пишет он в очерке 18 октября 1941 г. в труднейшее для Москвы время. В этом очерке («Только победа и жизнь») русская тематика звучит страстно, как набат: «Чтобы русское солнце ясно светило над русской землей; созданные творчеством русского народа; русский гений одержит победу». Поначалу писатель говорит о родине в третьем лице: «Жизнь, на что она мне, когда нет моей родины; потерять навсегда надежду на славу и честь Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все-все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем». Но потом он обращается к Родине, как к живому человеку — «ты». «Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты молода, ты добра; добро и красоту ты несешь в своем сердце; ты вся в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают лучшие сыны. Бессмертна слава погибшим за Родину!»¹²⁶. Такой же значительной, крупной вехой в военной публицистике была другая статья писателя, опубликованная той же страшной осенью 1941 г. (7 ноября 1941 г.). Она называлась «Родина». Толстой обращается к Родине как к человеку с признанием в любви, и говорит, что эта любовь не единична, а всенародна. Дальше рисуется лермонтовская картина, словно списанная с его знаменитого стихотворения «Родина» (1841 г.). В момент разорения земли русской все собираются у своих гнезд. «Гнездо наше, родина, возоблададо надо всеми нашими чувствами... Дымок, пахнувший ржаным хлебом, лица, ставшие серьезными, говор русского языка, — все это наше родное, и мы, живущие в это лихолетье, — хранители и сторожа родины нашей». Писатель отмечает тему поруганной родины: «Все наши мысли о ней, весь наш гнев, ярость — за ее поругание, и наша готовность — умереть за нее».

И итожит эту тему: «как юноша говорит своей возлюбленной: “Дай мне умереть за тебя!”». По мере развития темы родины — «исторического места русского народа» Толстой обращается к сложному, многосоставному образу исторической России: «Родина — это движение народа по своей земле из глубины веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущий свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле». В этом отрывке присутствует почти научная четкость дефиниции, сочетающаяся при этом с высокой поэтической образностью. Совершенно очевидно, что родина для писателя — это этническое понятие, включающее в себя сложное содержание, в основе которого лежит искомый народ как этническая общность. Народ как коллективный Логос («поток людей, несущий свой язык»), зафиксированный в вечном движении от прошлого к будущему. Кроме того, что особенно важно, народ исторически движется не по горизонтали земли, а по вертикали «места на земле». То есть движение народа, проходящее в сторону из прошлого в будущее идет, по мысли Толстого, от земли к небу, ведь народ отстаивает «законность и нерушимость своего места на земле». Перед нами, несомненно, уже контуры скульптурного облика родины-матери, но появляется он по-былинному «из земли». Этот метафизический облик родины-матери Толстой рассматривает в контексте борьбы русского народа с фашизмом, поскольку тот «всякую национальную культуру стремится разгромить, уничтожить и стереть». И дальше очень интересная и как будто совсем ненужная здесь мысль: «И в этом стремлении он (фашизм. — О.К.) напоминает мировых финансистов»¹²⁷. Толстой так объясняет свое сравнение: «Его (фашизма) пангерманистская идея: “весь мир для немцев” — лишь ловкий прием большой финансовой игры, где стороны, города и люди — лишь особый вид безличных биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну». Солдаты сравниваются «с грязными бумажными деньгами

¹²⁶ Толстой А.Н. Только Победа и жизнь // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 65–66.

¹²⁷ Интересно отметить, что стремление фашистов к территориальным захватам многими рассматривалось как антицивилизационная деятельность, а не только антинациональная. По сути, фашизм был вариантом глобалистского проекта объединения человечества. Вот как рассуждает на эту тему один из советских публицистов военного периода: «Фашистские идеологи создали теорию “великого пространства”. Смысл ее таков: время национальных государств прошло, наступил период “великих пространств”, где хозяевами желают быть германские фашисты». — Ревай И. Фашисты — злейшие враги цивилизации // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 50.

в руках аферистов и прочей международной сволочи». В отличие от этого грязного, безличного пространства «финансовой игры» этническое пространство русского народа укоренено в рукотворном и созидательном труде. Русский народ не побоялся трудностей борьбы с природными тяготами, «дремучей природы вокруг него» и выдержал тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю («нет такого лиха, которое не уселось бы прочно на плечи русского человека») и остался здесь жить навечно. «Земля отчич и дедич», — говорит писатель на старинный древнерусский манер. И это тоже научное определение в устах писателя. «И дремучий мир, на котором он (наш предок) накинуд волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родиной, землей отчич и дедич»¹²⁸.

«Земля отчич и дедич» — это старинное древнерусское обозначение понятия «отечество». И в данном случае Толстой суммирует два емких и равнозначных понятия «родина» и «отечество» и одновременно разводит их, показывает смысловую разницу. У родины есть историческое пространство, поскольку в исторической перспективе она — «земля отчич и дедич», она — отечество наших предков. Итожит очерк призыв писателя к ответственности сыновей Родины перед ее историей: «На нас всей тяжестью легла ответственность перед историей нашей Родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности»¹²⁹. То, что А. Н. Толстой не забывает понятия «отечество», но рассматривает его исторически, мы видим на примере его очерка «Кровь народа», опубликованного 19 октября 1941 г. В XIX в. в официальных государственных документах первенствовало понятие «отечество», и писатель точно употребляет этот термин по отношению к этому времени: в период борьбы с Наполеоном, сжигая Москву, «русские спасли свою святыню — отечество». В новой ситуации, обращает Толстой внимание читателя, «русское сердце участило свои удары». Он призывает русский народ: «Вперед — за нашу Родину, за нашу святыню — Москву»¹³⁰. В прежние времена святынею

было все отечество, в настоящее время святынею является Москва, как бы синоним всего отечества. Эту же ассоциацию «Москва — святыня», «Москва — отечество» воспроизвел вскоре в бою политрук Клочков, при защите Москвы в декабре 1941 г.: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»¹³¹. Сохранилось и завещание героев-панфиловцев потомкам, переданное одним из солдат (Натаровым), оставшихся в живых: «Мы принесли свои жизни на алтарь Отечества. Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Мы погибли, но мы победили!»¹³².

Публицистический талант А. Н. Толстого, несомненно, сыграл свою значительную «некрасовскую» роль певца «Родины-Матери». С философскими размышлениями писатель нарисовал образ Родины, России, как совокупного явления народа, движущегося в историческом пространстве. Следует отметить, что А. Н. Толстого уже в ранние писательские годы отличали острота взгляда на свою землю и свой народ, метафизический характер обобщений. В 1914 г., как только началась Первая Мировая война, писатель публикует статью «Отечество», где пишет, что война России с Германией — это война духовная, война культуры (России) и антикультуры (Германии), «война бесов и духа человеческого». «Все (мобилизованные. — О. К.) пошли на предназначенное и неизбежное дело — сломить на полях Германии бесов железной культуры, гасителей духа человеческого». «Немцы выпустили на нас легионы демонов разрушения, взлелеянных ими за 40 лет». «Мы, русские, несем в своих сердцах великие залежи духа человеческого»¹³³. Именно на фоне остроты этого противостояния рождается понимание того, что есть отечество: «Он (неприятель) тот, под чьим ударом пробудилось величайшее понятие, таинственное по страшному могуществу своему: слово “отечество”». Основная мысль очерка сводится к обозначению сверхважности этнического чувства, о необходимости его хранить, лелеять и отстаивать с оружием в минуты опасности. «Железная культура» — культура германцев тшится перемолоть, раздавить это национальное чувство другого народа, потому что в себе они уже подавили это чувство, когда

¹²⁸ Толстой А.Н. Родина // Толстой А.Н. Родина. Сборник статей. М., 1942. С. 5.

¹²⁹ Там же. С. 8.

¹³⁰ Толстой А.Н. Кровь народа // Толстой А.Н. Родина: Сборник статей. М., 1942. С. 40.

¹³¹ Кривицкий А. Завещание двадцати восьми героев // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 140.

¹³² Там же.

¹³³ Толстой А.Н. Отечество // Толстой А.Н. Отечество. М., 1976. С. 10.

погасили в себе человеческое чувство совести. Поэтому отечество может наполняться не только положительным, созидательным содержанием, но и разрушительным: «Мы, знающие много значений слова “отечество” — от выкрикнутого басом “Германия прежде всего” — до стога почти, до залитого кровью скорбного имени Бельгия, мы внезапно узнали истинное его значение и власть, мы стали вдруг обогащенными новой любовью». Писатель потрясен тем, что в нем с началом войны пробудилось чувство любви к отечеству: «Я не знаю откуда это, но сейчас у меня есть отечество, Россия, родина». Потрясенный тем, что с ним происходит, он пишет: «Ушло наносное и впервые обнажилось ядро новой культуры — сердце наше, воля наша, способность наша, спокойствие наше, то, что ведет нас, а может быть, и остальные народы на верный, ясный путь мира и радости». Этот переворот в сердце «произошел в один день, к вечеру мы стали крепким, решительным, чистым народом»¹³⁴.

С именем А. Н. Толстого во многом связано закрепление некрасовского мифа о Родине-Матери, которое выкристаллизовалось в годы Великой Отечественной войны. Тема «женщины — родины-матери» прорабатывалась многими писателями и художниками, но ни у кого не было этой метафизической связи «родина — отечество» или, другими словами, «родина — историческая Россия». А. Н. Толстой раскрыл эту сторону понятия «родины», придав тем самым ему необходимую смысловую глубину. Вместе с тем писатель обращается к отечеству, в его однозначной специфике, хотя в традиционном контексте (когда это слово было исторически доминирующим) у него было более сложное содержание. Но и в упрощенном, усеченном виде понятие приобретало полновесный замкнутый символический смысл, представляющий не только узко профессиональный интерес для образованной части русского народа (как предмет исторического изучения), но как смысловой образ, близкий и понятный всему народу. Из этого источника этот образ мог тиражироваться и дальше через самые разные каналы передачи информации.

О русском характере рассуждал в своих публицистических очерках в этот период писатель Константин Федин. Он говорит, что характер народа формирует то культурное пространство,

которое народ создает своими силами. Русский характер отличается «широтой, воображением, горячностью, которая соединяется с мечтательностью и с пренебрежением внешними формами». Но при этом, как показала история, этот исконный характер мог дополняться и изменяться. Так Федин выделяет ленинградский (т. е. петербургский) период, который принес русским немалые изменения. Появилась «устойчивость вкуса, предпочтение строгих форм, дисциплина, исполнительность, почти педантизм». Петербуржец тоже был русской натурой, «однако он доказал, что рядом с широтой этой натуре свойственны целеустремленность, рядом с мечтательностью — самодисциплина, рядом с горячностью — постоянство привязанностей. Ленинградец расширил своей сущностью понятие о русском». На этом фоне писатель говорит, что существует особый «ленинградский патриотизм», и он оказался глубоко русским. «Пройдя огонь испытаний, патриотизм Ленинграда (выше писатель говорит, что это петербургско-ленинградский культурно-исторический феномен. — О. К.) не утратил особой ленинградской окраски, но раскрыл свою природу, как одну из самых страстных черт русского характера — готовность на любые жертвы ради отчизны»¹³⁵. Родина для К. Федина — это территория, которую народ созидал и отстаивал от врагов. В войне с фашистами защитники Родины ощущали себя, по мысли писателя, одновременно — русскими людьми, защищающими землю отцов, и советскими, отстаивавшими «родину своих революционных идей, свою новейшую историю».

Ярко обозначил русскую тему в публицистике осенью 1941 г. Илья Эренбург, также, как и Толстой, ключевая для Сталина фигура в публицистике. В очерке «Мы выстоим» (28 октября 1941 г.) много рассуждений об особенностях России как страны и культуры, размышления о русском характере. «Русские не отличаются методичностью немцев, но сейчас они методично трудятся. Дело идет о судьбе России, быть России или не быть». «Россия — особая страна. Россия может от всего отказаться». Аббревиатуры СССР словно и не существует, понятия «советские», «советский народ» также почти не употребляются. Как и А. Н. Толстой, Эренбург прибегает к фольклорным образам, конкретизирует

¹³⁴ Толстой А. Н. Отечество // Толстой А. Н. Отечество. М., 1976. С. 10.

¹³⁵ Федин К. Ленинградка. 1944 год. // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984.

и обобщает этническое пространство народа: «Мы выстоим — это шум русских лесов, это вой русских метелей, это голос русской земли»¹³⁶. Образ России, родины также лепится Эренбургом из числа отдельных людей: «Умереть за Россию — это не только умереть за государство, за историю, за свободу. Любимый мальчик, тот что сейчас играет в сквере, это тоже Россия, осязаемая, точная»¹³⁷.

Активной символизацией женских образов занималась в своих военных очерках Лидия Сейфуллина, описывая сначала конкретные судьбы, а потом обобщая их. Она писала, что война показала, что сильнее материнской любви является любовь к родине. Здесь наблюдается игра смыслами: любовь материнская и любовь к родине. «На огромном пространстве СССР одним стремлением полна сейчас душа советских матерей», — так обозначает Л. Сейфуллина суть проблемы. В очерке приведены отрывки из трех писем, трех матерей. Женщины обращаются к своим сыновьям, и голос их также конкретен, как и общ, растворен в голосе вообще матерей России. Матери призывают сыновей защищать родину («интересы родины выше всего»), быть похожими на отцов («будьте такими, как был ваш отец, стойкими и верными своей родине»), мужаться («лицо матери-патриотки — волевое лицо»)¹³⁸.

Но Толстой, Тихонов, Федин, Эренбург, Сейфуллина — это скорее «западники», развивающие некрасовское направление, имеющее отношение к мифологизации действительности, в то время как были в советской России и свои «славянофилы», которые описывали реальные подвиги реальных людей, защитников Отечества. Подвиги Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Александра Матросова рассматривались в таких очерках как конкретные дела, вклад в победу страны, хотя позже и эти герои становились предметом символических обобщений. В известном очерке о подвиге З. Космодемьянской заметна такая попытка символизации образа. Первое официальное сообщение о подвиге Зои Космодемьянской датируется

27 января 1942 г., когда в газете «Правда» был напечатан очерк «Таня» Петра Лидова¹³⁹ и вся страна узнала о подвиге неизвестной еще девушки, назвавшейся оккупантам Таней. В конце очерка автор статьи делает обобщение: «Бойцы найдут еще время прийти сюда (в деревню Петрищево под Москвой, где была замучена Зоя Космодемьянская. — О. К.), чтобы до земли поклониться праху Татьяны и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню, и учителям, воспитавшим ее, и товарищам, закалившим ее дух. И скажет тогда любимый командир: “Друг, целясь в фашиста, вспомни Таню. Идя в атаку, вспомни Таню и не оглядывайся назад”. И бойцы поклянутся над могилой страшной клятвой. Они пойдут в бой, и с каждым из них в бой пойдет Таня. Немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могиле»¹⁴⁰. Таня выступает в этих строчках как образ, символ поруганной, но не сломленной родины. Воины призываются отомстить врагу за поруганную честь страны, олицетворением которой была эта народная героиня.

Для солдат, как можно судить по отдельным устным воспоминаниям, главным словом в бою, в атаках было слово «родина». В первые дни войны, как следствие идеологического воспитания, в солдатских атаках звучало: «за Сталина!», но уже к осени 1941 г., как голос сердца, как общее единение всех, повсеместно они стали кричать «за Родину!»¹⁴¹. Исключительной популярностью пользовалась песня на стихи В. И. Лебедева-Кумача, «Священная война». Слова ее были известны и взрослым и детям. М. М. Громыко вспоминает такой эпизод периода военной эвакуации, когда их — эвакуированных московских детишек — поселили в одном удмурдском селе и дали возможность продолжить учебу. На уроках военного дела учитель-офицер (прибывший с фронта, списанный из армии по ранению) командовал: «Громыка, запевай». И не у кого не было сомнений в том, какая будет звучать

¹³⁶ Эренбург И. Мы выстоим // Там же. С. 73.

¹³⁷ Эренбург И. Мужество // Там же. С. 141.

¹³⁸ Сейфуллина Л. Три письма // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 82.

¹³⁹ Автор очерка Петр Лидов погиб на фронте 22 июля 1944 г. Но кроме П. Лидова о подвиге З. Космодемьянской писали еще несколько публицистов.

¹⁴⁰ Лидов П. Таня // Военная публицистика и фронтовые очерки. М., 1966. С. 77.

¹⁴¹ «Отцы и дети здесь все вместе...» Беседа с Татьяной Николаевной Кудряшовой // Очаковская церковно-приходская газета. 2011. № 41. С. 12–14.

песня, и «Война...» пелась с волнением и воодушевлением, как будто в первый раз:

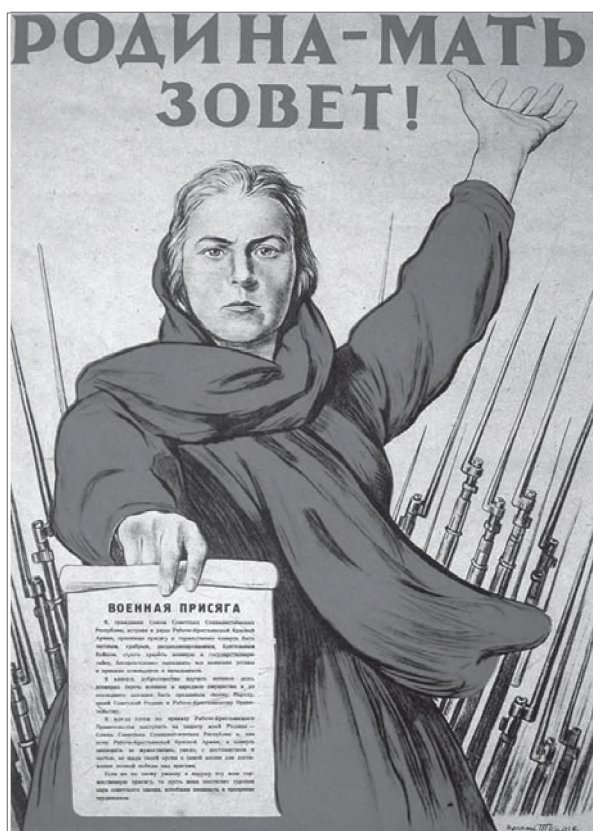
Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная вскипает как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Здесь не было слова «Родина», произносилось другое слово — «страна огромная», но это была «огромная страна» «народа», и потому война называлась и ощущалась как «народная священная война». Смыслом «родины» было пронизано все стихотворение. Тем более слова этой песни прямо ассоциировались с изображением призывающей Родины-матери с плакатов, развешенных в людных и общественно значимых точках перио-

да войны: у военкоматов, у школ, вузов, государственных учреждений.

В плакате, как ни в одном другом источнике этого времени, отражалась главная мысль, идущая от лица государства к народу: «кого и что мы защищаем от фашизма». Плакат может рассматриваться как важнейший источник не только характеризующий направление идеологии власти, но и характер народного настроения, народного чувства. Потому что в эти годы партийным идеологам волей или неволей пришлось напрямую обратиться к народу, к его сокровенному и святому чувству — любви к родине. Военный плакат, как ничто другое, зримо доносил до народа идею «Родины-матери» в ее символическом значении¹⁴². Художник, в отличие от писателя-публициста, строил свой образ, опираясь на зримые, образные формы воздействия на народ. Он не мог показать также и зримо и емко в художественном видео-ряде красоту родной земли, ее величие, ее святости. У него оставался один путь возвращения к традиции — через привлечение иконописного языка. Главным плакатом войны стало произведение «Родина-Мать зовет» художника Ираклия Тоидзе, четырежды лауреата Сталинской премии. У И. Тоидзе было два известных военных плаката: «Родина-мать зовет» (1941 г.) и «За Родину-мать» (1943 г.).

За основу этого образа советский художник взял один из центральных для православной иконографии образов — образ Богородицы Девы Марии. У женщины на плакате славянские, русские черты, она средних лет, с волевым, открытым лицом. Скупость выразительных средств в фигуре Родины-матери тяготеет именно к иконописности. Особенно на это указывает лицо, сомкнутые губы, суровые, спокойные глаза. Вся экспрессия заключена в энергичном жесте руки, зовущем, как благословляющем. Платок на голове Родины-Матери указывает на религиозность, святость этого образа, по сути, он заменял нимб, имеющийся всегда на иконописном образе. Платок чуть сбился, видны волосы и это обозначает крайнюю степень волнения, опасность, нависшую над честью и достоинством Родины-матери. Особую силу образу придает также отсутствие других фигур на плакате. Сыновья ушли вперед, присяга в правой руке, как отрывок из Евангелия на иконах.

«Родина-мать зовет».
Автор И. Тоидзе. Плакат. 1941 г.

¹⁴² Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 г. / Сост. В. Долинская. М., 1975; Великая Отечественная война 1941–1945. Плакаты. Сост. и автор вступит. ст. М. Ю. Герман. Л., 1980; Плакат на фронте и в тылу / Сост. И. Великодная, П. Снопков, А. Шклярчук. М., 2010.

За Родину-мать! Плакат И. Тоидзе

На втором плакате И. Тоидзе «За Родину-мать» присутствует в большой степени советская идейность. Родина-мать изображена в движении в профиль, что нехарактерно для православной иконографии, а вот для барельефа и в целом советского художественного искусства весьма характерно. Фигура Родины-матери обернута как в хитон красным флагом. Платок совсем сбился на плечи. Это уже не лицо славянки, а скорее грузинки лет 30. Ниже нее находятся красноармейцы разных родов войск, идущие в бой. На руках у Родины-матери находится мальчик лет 4–5 с грустными спокойными глазами. Профильное положение лика Родины-матери противоречит канонам православной иконографии, отчего вся композиция кажется застывшей и искусственной. Картина скорее похожа на барельеф, поэтому более близка по композиции памятной стеле, чем иконе.

Очень популярным в годы войны был плакат, также попавший на открытки, который назывался «Воин Красной Армии, спаси!», появившийся в 1942 г. Женщина прижимает к груди ребенка, а на них направлен окровавленный фашистский штык со свастикой. Автор плаката — художник В. Б. Корецкий посвятил свой

«Воин Красной армии, спаси!»
Автор В. Б. Корецкий. Плакат. 1942 г.«Добровольцы отправляются на фронт».
Самара 1941 г. Фотография

сюжет тем, кто остался в тылу врага. Открытки издавались три раза большими тиражами: 300 тысяч, один миллион, и миллион триста тысяч¹⁴³. Исследователи отмечают, что плакат этот имел огромную популярность. У картины также высокий уровень приближения к иконописному образу, привычному для каждого православного. Автор словно говорит, что вот так же Божия Матерь держала на руках Своего Божественного Сына. У женщины на плакате так же, как у Родины-матери, наброшен платок, но он упал на плечи, что символически указывает уже не на покушение, а на осквернение святыни (мать и сын на территории, занятой врагом). Воины Советской Армии призывались не только освободить людей, попавших в неволю, но вернуть и оскверненные святыни. Мотив осквернения святыни и был главным смыслом в данном плакате, оказывающим огромное влияние на бойцов.

Символизм не всегда приводил художника к иконописности образа. Так, например, художник Д. Шмаринов, создавший плакат «Воин, ответь Родине победой» (1942 г.) также стремился в своем произведении передать обобщенный образ молодой русской женщины, который бы ассоциировался с Россией. В ярко-красном платье с глухим высоким воротником, золотистыми волосами, сплетенными в массивные косы, накрученные вокруг головы, она теряла из-за своих этнографических и исторических подробностей иконописный облик родины-матери. Не было платка на голове, в правой руке был зажат автомат, который женщина протягивала вперед. В другой руке лежал сноп сжатой и связанной пшеницы. Тем не менее, отметим, что автор этого плаката явно стремился к «высокой» цели, показать священный образ Родины-матери. Плакат выходил в годы войны двумя изданиями и был востребован.

«Воин, ответь Родине победой!»
Автор Д. Шмаринов. Плакат. 1942 г.

Мотив покушения на честь, достоинство и свободу был характерен для многих сюжетов, попавших на плакаты военного времени.

«Будь героем!».
Почтовая марка. Автор рисунка В. Б. Корецкий

¹⁴³ Открытки, изданные в Москве в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. / Составители В. И. Артемьев, М. С. Забочень. М., 1995. С. 7.

На плакате В. Серова «Юноши и девушки, защитите свободу, Родину и честь, завоеванные ваши отцами» была изображена девушка-санитарка с медицинской сумкой, отмеченной красным крестом. На голове у нее был повязан платочек «на фабричный манер» за голову. Над нею возвышаются тени «отцов» революции 1917 г.

Во время войны сложился еще один важный символический сюжет: «воин и девочка», который также имеет свой второй план. Христианский прототип этой смысловой группы плакатов можно найти в Евангелии и в православной иконографии. «Христос, благословляющий детей» — тема очень важная для Евангелия. Воин, заменяющий образ Христа, и девочка, в данном случае символизирующая не просто детей, а народ, как на это указывает Евангелие. В годы Великой Отечественной войны было выпущено много разных плакатов и открыток на этот сюжет, например, «Воин в каске держит в руках девочку», «Воин с девочкой в руках на фоне разорванного проволочного заграждения» (плакат и открытка 1944 г.)¹⁴⁴.

И совсем не случайно, что именно этот сюжет — солдат и девочка на руках в скульптурном виде попал за границу. Памятники русскому солдату с девочкой на руках были поставлены в Болгарии, в Германии.

Церковь и понятие «родины» в годы Великой Отечественной войны

Конечно, мы должны понимать, что Церковь, несмотря на дарованные большие свободы в период войны, все же не могла прямо и ясно говорить «языком Святой Руси», к тому же она обращалась ко всему народу, поэтому язык ее должен был быть понятным современникам. В обращениях церковных иерархов звучат понятия «родина» и «отечество», причем «родина» как гражданское понятие, а «отечество» как церковный его эквивалент. В церковной проповеди ясно присутствуют этнически выраженные определения «русская земля», «русский народ», «святая Русь», но при этом вводится новый для широкой народной аудитории термин «мать-церковь». Может быть, это понятие осторожно употребляется в качестве церковного эквивалента образа «родина-мать».

Из обращения митр. Московского и Коломенского Сергия, патриаршего Местоблюстителя к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» от 22 июня 1941 г.: «Фашистские разбойники напали на нашу родину»; «нашей страны»; «России», «родную землю»; «благом и целостностью родины»; «кровными заветами любви к своему отечеству»; «о священном долге перед родиной и верой»; «отечество защищается оружием», «готовностью послужить отечеству», «свои души за народ и родину»; «жертвует ради родины»; «нам пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг»; «прямая измена родине» (поиск выгод на той стороне границы); «за родину и веру»; «за нашу родину»; «родине нужна жертва»; «священных границ нашей родины»¹⁴⁵. В послании четыре раза звучит старинное и, по сути, государственно-церковное понятие «отечество» и в десяти случаях употребляется слово «родина». Родина здесь основное, краеугольное понятие, обозначающее суть того, что необходимо защищать. Следует обратить внимание на то, что «родина», сопрягается в двух случаях в паре с «народом» и «верой»: «за родину и веру»; «за народ и родину», и такая лозунговая (самая кратчайшая) форма должна еще больше заострить глубину и емкость данного понятия.

В последующих посланиях периода Великой Отечественной войны митрополит Сергей также часто прибегает к понятию «родина», оно является самым распространенным в числе родовых понятий, обозначающих страну, государство. Реже в других документах появляется термин «отечество». Рассмотрим несколько типов его обращений: 1. в проповедях к конкретной пастве в тех или иных соборах звучат слова: «страна, родина в опасности»; «Родная земля»; «предателей родины»; «защитников родины»¹⁴⁶; «на нашу родину»; «они (все убиенные. — О. К.) жизнь свою положили на поле брани за отечество»¹⁴⁷. 2. В патриарших посланиях ко всей российской пастве или к верующим отдельного региона звучат такие понятия: «нашу землю»; «для спасения родной земли»; «Над нами Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли»; «в сердце Святой Руси»; «ко врагам родины и Церкви»;

¹⁴⁴ Открытки, изданные в Москве в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. / Составители В. И. Артемьев, М. С. Забочень. М., 1995. С. 45.

¹⁴⁵ Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский. М.: Правило веры, 2003. С. 550–551.

¹⁴⁶ Речь митрополита Сергия на молебне о победе русского воинства вечером 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе в Москве // Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский. М.: Правило веры, 2003. С. 552–553.

¹⁴⁷ Поучение, сказанное митрополитом Сергием за Литургией в церкви Иоанна Воина на Б. Якиманке в Москве 12 августа (30 июля ст.ст.) 1941 г. // Там же. С. 553–555.

Мемориальная доска на стене Белорусского вокзала в Москве, посвященная впервые исполненной здесь в 1941 г. песне «Священная война»

«на защиту Церкви и родины»¹⁴⁸; «злое нашествие врага временно оторвало вас от сердца родины»; «купить себе благополучие путем измены Церкви и родине»; «к унижению родины и себя самих»; «во имя верности Церкви и родине»; «есть заслуга пред родиной»; «помните, что родина не забывает нас»¹⁴⁹; «изгнать врага из своей страны»; «свою православную веру и родную национальность»; «заслуги перед Церковью и родиной»; «не посрамям Земли Русской»¹⁵⁰; «от имени всем нам родной Матери — Русской Церкви»; «нашу землю»; «от родной страны»; «готовый на всякие жертвы ради родины»¹⁵¹; «наши предки строили Святую

Русь... умирали за Русь»; «нашей земли»; «народа-богатыря»; «верность общей родине»; «защитить родину»¹⁵²; «святое дело спасения родины»; «дело спасения родины»; «на пользу нашей великой Родины»¹⁵³; «мрачная немецкая ночь миновала, у нас снова мирный русский день»; «над нами родное русское солнце»; «на защиту веры и родины»¹⁵⁴; «доблестная русская армия изгонит фашистскую нечисть из пределов нашей родины»¹⁵⁵; «нашу страну»; «общий подвиг за спасение родины»; «преданный тыл»; «ваша любовь к родине и ее свободе»¹⁵⁶; «Родина никогда не забывает вас»¹⁵⁷; «Мы пройдем через все испытания, и мы под знаменем

¹⁴⁸ Послание к московской пастве // Там же. С. 555–556.

¹⁴⁹ Верным чадам Святой Православной Русской Церкви и нашей Великой Родины, оставшимся в областях СССР, теперь временно захваченных врагом // Там же. С. 565–566.

¹⁵⁰ Послание чадам Святой Православной Русской Церкви в годовщину начала войны // Там же. С. 585–586.

¹⁵¹ Преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой нашей Церкви в областях СССР, еще не освобожденных от немецкой оккупации // Там же. С. 594–595.

¹⁵² Рождественское послание // Там же. С. 595–596.

¹⁵³ К архипастырям, пастырям и приходским общинам нашей Православной Русской Церкви // Там же. С. 596–597.

¹⁵⁴ Православной пастве Ростова-на-Дону и Ростовской епархии // Там же. С. 599–600.

¹⁵⁵ Пасхальное послание // Там же. С. 601–602.

¹⁵⁶ Пасхальное послание всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и прочих странах, к православным народам, пребывающим в плену фашистских застенков // Там же. С. 602–605.

¹⁵⁷ Слово ко дню двухлетия войны // Там же. С. 608.

Богородицы победим врага. С нами Бог, с нами Богородица. Мы молимся о единстве нашего народа. Мы верим, победа придет!»¹⁵⁸ Митрополит Сергей обращается к понятию «родина» даже в таких официальных документах, как поздравительные телеграммы вождю партии: «верных чад нашей родины»; «подвиг за родину»¹⁵⁹; «вверенной Вам родной страны»; «истерзанной родины»¹⁶⁰.

В послании патриаршего экзарха митрополита Алеутского и Североамериканского Вениамина ко всем русским людям в Америке понятие «родины» является центральным, но вместе с тем владыка Вениамин, как человек дореволюционной культуры, часто употребляет и слово «отчество»: «на нашей родине ведется страшная, небывало жестокая борьба с беспощадным врагом за отчество»; «опасность нависла над целостностью нашей земли русской»; «как молится теперь

Церковь на родине нашей»; «чтобы русские люди молились и здесь о победе русскому воинству... чтобы жертвовали на армию и защитников отечества»; «архиереи (в США. — О.К.) не просят Президента о помощи родине нашей»; «в грехах тамошнего русского народа, на родине»; «в деле защиты нашей родины»; «Пусть за меня скажет Церковь на родине»; «на борьбу за священные границы отечества»; «прямою изменою родине»; «ожидает от врага родины»; «народ там на родине»; «в жертву за родину»; «не родине нашей, а ее врагу»; «помощь родине»; «на помощь родине»; «о помощи нашей родине»; «в послании на родине»¹⁶¹.

Важное значение для воспитания патриотического народного чувства имело празднование Покрова 14 октября 1941 г. в Москве: «после праздника Покрова Пресвятой Богородицы выр-

Памятник Покрову Пресвятой Богородицы.
Черновская обл. Поселок Городня

¹⁵⁸ Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский. М.: Правило веры, 2003. С. 532.

¹⁵⁹ Телеграмма митрополита Сергея И. В. Сталину // Там же. С. 590.

¹⁶⁰ Телеграммы митрополита Сергея И. В. Сталину // Там же. С. 598.

¹⁶¹ Послание патриаршего экзарха митрополита Алеутского и Североамериканского Вениамина ко всем русским людям в Америке // Там же. С. 556–561.

валось из глубины народной души, и сопротивление Красной Армии резко окрепло». Важной вехой стала Божественная Литургия в переполненном Богоявленском соборе 22 октября 1941 г. Митрополит Николай Ярушевич сказал: «Мы пройдем через все испытания, и мы под знаменем Богородицы победим врага. С нами Бог, с нами Богородица. Мы молимся о единстве нашего народа. Мы верим, победа придет!»¹⁶²

В годы войны происходили многие случаи небесной помощи воюющим советским солдатам. Здесь также на первый план выходит образ Божьей Матери. В ноябре 1942 г. в самый тяжелый период защиты Сталинграда было явление Божьей Матери в небе над городом. Свидетелем чуда стали воины целой воинской части армии Чуйкова¹⁶³. Тема чудес и покровительства Божьей Матери в военные годы на сегодня мало исследована, хотя уже накоплен обширный круг свидетельств, но в силу «ненаучного формата» самого понятия «чуда» это явление, к сожалению, не вводится в научный оборот и военная тема не получает дополнительной яркой иллюстрации.

В послевоенный период в советской идеологии сложившийся канонический образ «Родины-матери» следовало перенести в более привычные для советского человека формы. Из области «иконописной», плоского образа, который поддерживала в годы войны и публицистика, это понятие стало перетекать в объемные формы «памятника». После войны религиозная составляющая быстро начинает уходить из художественных символических сюжетов, через которые государство обращалось к «сердцу» народа. Появление памятников Родине-матери показывает, что началось решение другой идеологической задачи.

Наиболее ярким проектом в этой области стало появление памятного мемо-

риала на Мамаевом Кургане в Волгограде, на месте ожесточенных боев в 1943 г. Комплекс возводили в 1958–1967 годах, хотя идея его сооружения появилась раньше. Новым в советском памятнике «Родина-мать» на Мамаевом кургане было то, что сама Родина-мать взяла в руки меч, что не характерно ни для военного плаката, ни для православной иконографии. Божия Матерь действует словом, помощью Сына Божия, у Нее всегда есть помощники — небесное воинство, ангелы и архангелы. Об этом говорят многочисленные исторические материалы видений в грозные годы вражеских нашествий. Также нередко Она держит в руках покров — Свой плат, защищающий верных Ее Божественному Сыну. Памятник на Мамаевом кургане — это искусственно сконструированный образ, далеко ушедший от военного первообраза из плаката «Родина-мать зовет». Сам по себе камень, как выразительный материал, уже выходит за рамки православной традиции, далее мы видим фигуру Родины-матери без платка (античный подтекст), с мечом. Все это в совокупности отражает не священное достоинство Матери, а указывает на иной смысл. Новый смысл здесь привязан к карающему мечу, он указывает на суд,

Памятник защитникам Ельца. 1996 г.
Скульптор Н. А. Кравченко

¹⁶² Послание к московской пастве // Вестник военного и морского духовенства. 2005. С. 40.

¹⁶³ Красник Л., Андреев Ф. Сталинградское знамение // Вестник военного и морского духовенства. 2005. С. 61–65.

возмездие и, в конечном счете, обращен к закону (государству). Перед нами не православный сублимированный образ Матери, а скорее античный мифологический персонаж, главная цель которого — эстетическое воздействие на зрителя. На это рассчитаны и гигантские размеры скульптуры. Именно эстетическое, а не духовное, как это было в случае с плакатом. Перед нами культурное пространство, оформленное для того, чтобы напомнить о бывшей здесь войне. Образ Родины-матери не перешел (и не мог перейти) из плакатов в иное православное, хотя и светское, но высокое художественное пространство, а, потеряв после войны свою остаточную сакральную символику и значимость, «застыл» в сугубо эстетическом символе. Все это указывает на то, что у плакатного образа изначально не было собственного живого религиозного потенциала, и этот *модернистский* по своей мировоззренческой сути проект был обречен на скорую духовную деградацию (в духовном, а не эстетическом смысле), как только был исчерпан потенциал его временного использования.

Интересен в этой связи вопрос о православных памятниках, которые стали появляться в большом количестве с начала 1990-х годов. Насколько они «святые», при том, что среди них мы видим лики святых и подвижников? Чем памятно всем время начала 1990-х? Резким ослаблением силы государственной власти, падением авторитета закона, своего рода анархией в структурах власти, безудержным шельмованием всего своего самобытного русского, российского, традиционного, с перекосом внимания на все западное, американское, демократическое, рыночное. В эти годы, разрушительно действующие на умы граждан России, на их гражданское самосознание, православная скульптура стала своего рода средством, препятствующим этому тотальному разрушению государственного сознания у людей. Скульптура, как мы уже выше отмечали, по своему материалу и в силу своей телесности, всегда была чужда православному художественному видению образа человека, так как в самом материале уже — камне, бронзе, мраморе — и телесности выражена эстетическая, а не духовная мысль. Скульптуру весьма ценили античные греки именно за то, что она воспитывала эстетическое сознание, а значит, по их мысли, и давала основу гражданским чувствам. Они считали, что настоящую красоту могут ценить только эллины, но не варвары. Такова была их исходная посылка. Гражданский потенциал скульптурных творений вполне оценили большевики, которые сами занимались созданием особой гражданской нации — советского народа.

Почему же тогда православный скульптор В. М. Клыков, самый известный из череды скульпторов постсоветского времени, стал активно создавать скульптуры с православными сюжетами? Причина этого в страшном дефиците средств воспитания гражданских чувств: долга, патриотизма. К телевидению воспитателей патриотизма не допускали, поскольку там реализовывалась прямо противоположная программа, православная скульптура тогда стала подлинным воспитателем гражданской чести и достоинства. Православные святые — благоверный князь Александр Невский в Курске, святые Кирилл и Мефодий в Москве, страстотерпец царь Николай II в Тайницком, прп. Сергей Радонежский в Троице-Сергиевой лавре (перед ней), прп. Нил Столобенский в Осташково, перед монастырем — десятки памятников святым должны были аккумулировать в душах людей чувство патриотизма, взывать к памяти, к истории, связывать историю гражданскую с историей церковной. Появление этих памятников было следствием слабости государственной власти России, не воспитывающей привычными средствами у людей гражданское чувство, а также следствием оттеснения православия, как духовности, на которой выросла великая Россия, на задворки информационного вещания. Памятники православным святым продолжают появляться и сейчас (в Воронеже памятник свт. Митрофанию), что указывает лишь на то, что проблема, из-за которой они вынуждены появляться, до конца не решена, особенно в области информационного поля. Создатели памятников православным святым и государственным деятелям пользуются, конечно, языком модерна, но этот язык был освоен еще в имперскую эпоху России и стал привычным. Этот «имперский язык» сегодня не по сердцу и части православных, видящих в этом феномене католическое влияние, что, конечно же, нельзя признать справедливым. Имперский язык без империи сегодня — это нонсенс, но это вынужденное противоречие, которое должно решиться со временем, когда о святых русской истории не стыдно будет говорить политикам, журналистам и телеведущим.

Выводы по статье

Из двух обозначенных в постановочной части характеристик этничности динамичной и статичной, именно статичная, связанная с пространственными характеристиками этнического осознания территории, имеет функцию *защитного механизма* этноса. В то время как динамичные характеристики этничности (язык, антропологи-

ческий тип, духовность, материальная культура) отвечают за *адаптивные возможности* (адаптация к духовному, социальному, культурно-материальному и природному миру).

Сужение комплексного этнорелигиозного понятия «Русская земля — Отечество — Святая Русь», до уровня текстов и, в конечном счете, замена его понятием «родина» было не случайным историческим эпизодом в истории России, учитывая, что в XVI–XVII в. в стране существовала острая потребность в созидании Святой Руси, как единого территориального, для России, целого. Но продолжение созидания стало тормозиться, в рамках прежнего политического и социального устройства страны, по причине угасания того мощного импульса, который Церковь и страна имели от деятельности прп. Сергия Радонежского и его многочисленных учеников и последователей. Вместе с тем в предпетровский период быстро росла активность «извне» на внешних границах государства, в то время как Россия не была готова активно ответить на это, ни экономическими, ни политическими, ни церковными средствами. В основе истории России лежал духовный фактор. Им определялся и уклад жизни страны, и особенности ее политической жизни, и лицо ее хозяйства — экономики. Вот почему «свято-русская идея» продолжала быть главным внутренним мотивом всех назревающих перемен. Миссионерские запросы Русской Православной Церкви в этот период требовали уже не только ограничиваться денежной помощью греческим патриархам, но — более активно и конструктивно участвовать Русскому Православию в общемировом процессе. Вот почему, по большому счету, Российская империя, начавшая созидаться Петром I, была лишь политическим и экономическим средством для достижения духовных целей, которые сводились к продолжению церковной миссии Русской Православной Церкви, как внутри России, так и за ее пределами. Итогом огромных усилий *всего русского общества* было появление Русского Православия в XVIII–X вв. не только в Сибири, на Дальнем Востоке, Кавказе, Средней Азии, но и распространение его по всему миру. Православие пришло в Северную Америку, в Юго-Восточную Азию (Японию, Корею, Индию, Китай), Европу. Трагический для России XX век принес свои великие духовные плоды, а не только рассеяние по всему миру огромному числу русских, так как дал возможность появиться сотням и тысячам православных храмов и десяткам монастырей в самых разных уголках мира.

«Новомученики и исповедники Российские».
Икона. XX в.

Вот почему, на наш взгляд, Российская империя была скорее глобальным церковным, чем государственным проектом, направленным на решение Вселенских церковных задач, и русские люди в этом проекте стали той этнической силой, которая была целенаправленно употреблена на решение проекта.

В данной статье речь шла о постепенной диэтнизации русских, когда их этническая сила, энергия в последние три века расходовалась преимущественно не на созидание собственного этноса, а на решение глобальных проблем других народов. За восемь веков, начиная с X и кончая XVII в., были созданы основы Русской Земли, как Святой Руси, но полностью задача так и не была решена. Святая Русь в территориальном смысле представляла собой отдельные локальные «святорусские» очаги, распределенные неравномерно по всей территории страны. В имперский период постепенно стало меняться духовное пространство. Между монастырем и обществом внутри России стало появляться множество переходных форм подвижнического толка: многочисленные общины (в основном, женские), богадельни, сестринские объединения, человеколюбивые общества и т. д.

Русские были поставлены в имперский период в условия главных исполнителей имперских задач. «Принуждение» не означало «насилие»,

потому что оно большей частью стало рассматриваться русским православным народом, как несение креста, как воля Божья, т. е. «принуждение к миссии» было добровольно принято и осознано. Несомненно, что столь обширные задачи Российской империи и к тому же принудительный характер действий вызвали не только положительную реакцию, характерную для тех, кто добровольно, «во славу Божию» принял принуждение, но привели и к созданию широкого фронта оппозиционных сил. Последние, разыгрывая то «этническую», то «народную карту», активно выступали против самодержавной власти имперской России, называя страну «тюрьмой народов», а самодержавную власть — «угнетательницей русского народа», а потом и других народов. Все возрастающая активность воинствующей оппозиции привела к прерыванию этапа «добровольно-принудительного» выполнения задач, связанных со «святорусским» проектом и появлению, в рамках нового — советского государства — сугубо насильственных форм воздействия по отношению к русским. Тем не менее большая часть верующего народа и в этот тяжелейший период достойно приняла (о чем свидетельствуют сонмы новомучеников, прославленных в последние годы Русской Православной Церковью) тягчайшую не только для верующих, но и для всего русского этноса ношу. Именно в XX в., на наш взгляд, Святая Русь стала единым пространством в России — когда были разрушены сотни тысяч храмов, монастырей и в каждом был кто-то убит или замучен Христа ради из числа монашествующих, приходского клира или активных прихожан; когда за веру уничтожали целые сословия, рушили церковный и православно-нравственный уклад жизни. После жесточайших гонений в раннехристианскую эпоху на крови мучеников возникли христианские монархии. В России так же, на исходе советской эпохи, возникли уникальные условия

для законодательного, государственного подтверждения того объективного факта, что Россия сегодня живет в новой реальности — Святой Руси.

Сегодня главный упор в терминологии государственная власть делает на понятие «Россия». Это уже не то, что в XX в. называлось Родиной, но еще и не Святая Русь, Русская земля, Отечество. В большей степени «Россия» сегодня сблизились с допетровским понятием «отечество». Но для полноты термину не хватает возвращения в строй сопутствующих Отечеству синонимов — Святой Руси и Русской земли. Национальная задача на сегодня очень проста: проявить волю и на уровне государственной власти зафиксировать реальность Святой Руси и Русской земли на бумаге: в законах, в культурной деятельности, в образовании, в средствах массовой информации.

Эти проблемы не сводятся только к фиксации правового статуса русских, но в большей степени — к реабилитации всей русской православной культуры, основной массив которой приходится на допетровский период. Она должна определять сегодня жизнь народа, а не тот «пир во время чумы», который сегодня устроен в культурной и информационной сфере для русского народа. Святая Русь сохранилась не только в музейных и текстовых артефактах, она живет в церковной повседневности. А это значит, что современная постмодернистская культура, обслуживающая интересы во многом дезориентированного общества, должна совсем и повсеместно уйти с исторической арены России, как ушли когда-то по воле власти в одночасье (заметим, безреволюционно!) боярские бороды и кафтаны, характеризующие при Петре I старую традиционную культуру! Только тогда можно будет конструктивно решать самые главные проблемы страны, связанные с духовностью и нравственностью, а экономика тут же подтянется до нужного уровня.

